

ВЕНГЕРСКИЙ ИНСТИТУТ
РУСИСТИКИ

ЕЛЬЦИНЩИНА

ЕЛЬЦИНЩИНА

БУДАПЕШТ, 1993

Редактор серии:
ТАМАШ КРАУС

ISSN 1215—2560
ISBN 963 7730 13 3

Венгерский институт русистики, Будапешт
Ответственный издатель: *Дюла Свак*,
директор Венгерского института русистики
Набор: «*Принтроника*», Будапешт
Печать и переплет:
Типография «Музы»

Набор: А/0 Государственная типография

Содержание

Вступление	5
Вместо предисловия: Ельцин и Петр Великий? (Дюла Свак)	7
Борьба за власть: Ельцин и парламент — или ельциновская школа прихода к власти (Золтан Биро С.)	12
Малая война русских государств (Акош Силади)	22
Пиночет — в России? (Ласло Чаба)	54
О ельЦИНИЗМЕ (Тамаш Краус)	75

Предисловие к русскому изданию

На русском языке впервые появляется сборник «(Пост) советские тетради», орган венгерской советологии и Венгерского института русистики, сотрудники которого, помимо других исследований, занимаются анализом процессов, происходящих ныне в России. Авторы и редакторы сборника думают, что русскому читателю, может быть, было бы небезынтересно узнать, как видятся сегодняшние российские события в Венгрии, бывшей «лаборатории реформ» социалистического лагеря. Как выглядит «извне» перемена режима, осуществляемая Ельциным?

Переворот 21 сентября—4 октября 1993 г. был лишь одним из элементов той группы явлений, которую мы, за неимением лучшего, называем «ельцинизмом», феноменом Ельцина, ельцинщиной. Мы считаем, что этот феномен ныне уже достиг той «классической» степени своего развития, когда проявились все его существенные черты. Иначе говоря, этот феномен находится на таком уровне, который позволяет подвергнуть его анализу.

Аналитиков поразила не столько насильственная концентрация власти, сколько то, что неожиданно ускорилось формирование новой системы власти, которая должна быть легитимирована как раз происходящими в эти дни выборами в Государственную думу.

Хотя президентская система зародилась во времена Горбачева, ее практическое создание связано с именем Бориса Николаевича Ельцина. Борис Николаевич представляет собой своеобразное явление, поскольку он воплощает комбинацию различных эпох и форм власти. Его личность, вся его жизнь складывалась под влиянием противоречий советской эпохи, продуктом которой он и является. Если забыть об этом историческом факте, то феномен ЕЛЬЦИНИЗМА останется

совершенно непонятным. Стремясь показать этот феномен с разных сторон, мы предоставили слово экономисту и исторiku, теоретику и литератору, которые высказывают свое мнение о явлении ельцинизма и о функции переворота, произошедшего в России.

Редакция сборника стремилась и к тому, чтобы различные подходы к проблеме выражали и мировоззренческий плюрализм. Ведь проблема заключается в первую очередь не в «про» или «контра», а в том, каково будет направление исторического развития в России. И хотя исходной точкой анализа был сентябрьский-октябрьский «coup d'état», по существу его целью является выработка адекватной исторической интерпретации. Вопрос о путях исторического развития в России имеет огромное значение даже с точки зрения такой небольшой страны, как Венгрия, поэтому мы заинтересованы в как можно более оперативном и точном ответе на этот вопрос.

Ред.

Вместо предисловия: Ельцин и Петр Великий?

Ельцин и Петр Великий. Конечно, ошеломляющая параллель. Разумеется, только в том случае, если считать Петра I одним из величайших правителей. (Как это делает, например, *Выбор России* (самая близкая к президенту партия Гайдара). Ведь и на предвыборной эмблеме президентской партии изображен Петр I на вздыбленном коне и девиз партии: Свобода, Собственность, Законность). В действительности же однако... Но прежде несколько слов о Ельцине. Мы имеем дело с партийным функционером, который, пройдя свой собственный «путь в Дамаск», наносит последний удар и Советскому Союзу и своей партии. Его столь резкий и внезапный поворот, конечно, вопрос не морали, а чистого прагматизма. Цель оправдывает. А цели его благородны, стоит только посмотреть: независимость народов СССР, единая Россия, рыночная экономика, демократия, благосостояние людей. Подведем итоги осуществления всего этого на 11 октября 1993 года: большинство независимых республик только и дожидается того, чтобы вновь стать частью большего единства, старый принцип «разделяй и властвуй!» привел к кровопролитным войнам в разных концах бывшего Союза, Российская Федерация распадается, курс форинта к рублю составляет 1 к 12, единственный институт демократии расстрелян...

Расхождение между целями и средствами их осуществления, а также между целями и тем, что получилось в результате их осуществления, в историческом смысле достаточная основа для сопоставления двух столь далеких эпох и двух исторических личностей.

В Венгрии малоизвестно, что по отношению к Петру I только благосклонная память потомков и еще реально-политичес-

кое западное общественное мнение были снисходительны, а современные ему соотечественники — за исключением, разумеется, его фаворитов — с редким единодушием ненавидели его и боялись. В народе о нем говорили, что он сам Антихрист, или по крайней мере, лжецарь, а настоящего царя подменили во время его поездки на Запад и посадили в бочку, и теперь его, их истинного царя, благодаря ухищрениям Занада, будет носить по волнам Атлантического океана до скончания времен. Да что же другого могли сказать о нем нищие мужики, если за время его правления крестьянские повинности были увеличены в три раза, рекрутская повинность стала пожизненной, и к концу его славного царствования каждый четвертый, пятый русский погиб ради превращения России в европейскую державу.

Сегодняшние прекраснородушные демократы склонны проявлять удивительную широту взглядов в отношении человеческих жертв давнего прошлого. Часто говорится в качестве аргумента, что эти страшные жертвы были вынужденной необходимостью в деле «модернизации» России. Попробуем и мы сейчас в порядке исключения отвлечься от того неприятного вопроса, может ли античеловечный режим быть прогрессивным, и рассмотрим другой вопрос: достиг ли Петр I своей цели? С сожалением мы вынуждены констатировать, что нет, не достиг, поскольку и не мог ее достичь.

Он, так сказать, стремился «европеизировать», «модернизировать» Россию. Из этого вышло то, что Россия стала великой европейской державой. Посредством сохранения в европейском раннем периоде нового времени структуры позднего феодализма, иногда посредством чисто азиатских методов: принижением свободно продаваемых-покупаемых крепостных до положения рабов, превращением в слуг знати, среднего сословия и церкви. Он внедрил мануфактуры — на основе принудительного труда. Создал цехи — в приказном порядке. Специальный указ предписывал даже присутствие на ассамблеях и вменял в обязанность светским дамам пить водку. Его интересовала любая западная диковинка. Петр способен был в Голландии на верфях собственноручно обучиться мастер-

ству плотника, он мог часами рассматривать хитроумное устройство английских часов (в то время как из парламента он удался, проведя там всего несколько минут), он сумел превратить болотистый Петербург во вторую Венецию. Император неумоимо заботился о «лучшей» жизни для своих подданных, нимало не смущаясь тем, что большая их часть тем временем уходила в лучший мир. Петр, проявляя крайнюю нетерпимость и не щадя никого, в том числе и себя, одним махом хотел изменить своих подданных, ничуть не заботясь о том, что те вовсе не хотят изменяться. Одно лишь было свято и нерушимо для него: величие России. И он глубоко верил в то, что величие это покоится на неограниченной власти правителя. Один из парадоксов русского развития: это никогда не оспаривали даже его противники.

Минуют столетия, сменяются поколения, но главная проблема остается неизменной. И сегодняшние русские конфликты следует рассматривать с точки зрения «величия России». Имперские устремления Советского Союза и бюрократический эгалитаризм, приведшие в 80-е годы к застою, повергли русскую нацию, основавшую советскую империю, в глубокий кризис. На повестку дня выступили следующие задачи: переосмысление национального сознания, обретение вновь самоидентичности, объединение распыленных ресурсов. Это, с одной стороны, повлекло за собой освобождение от имперских тягот и забот, а с другой — отказ от коммунистической идеологии. Однако национальная идеология скорее только на уровне лозунгов смогла сменить коммунистическую. Ибо в России национальная идеология традиционно связана с православием и русским мессианизмом и не имеет гражданского характера. Между тем «православно-советская» уравниловка ни в коей мере не пригодна для идеологической легитимации рыночной экономики. Таким образом путаница в сознании людей, если только это возможно, еще больше усилилась, поскольку к 1993 году анархичные рыночные отношения, характерные для периода раннего капитализма, лишили российских граждан не только относительной уверенности в существовании, но и коммунистической идеи, проповедующей иллюзию всеобщества равенства.

В этой ситуации русская история предлагает только один уже известный идеологический рецепт: веру в доброго царя и его неограниченную власть.

Это осознал Ельцин, осознала армия, осознал Запад, не осознали этого только некоторые «консерваторы», которые продолжали настаивать на демократических правилах игры. Здесь настал черед сказать несколько слов о правых и левых, консервативных и демократических, реакционных и прогрессивных оппозиционных партиях. Эти понятия — что неустанно можно и нужно подчеркивать — означают в России совсем другое, нежели у нас. По-венгерски просто не имеют смысла такие словосочетания, как «демократический путч», «диктатор-демократ». Но этим я отнюдь не хочу сказать, что и в России они абсолютно лишены смысла.

Русской истории традиционно присущ изменяющийся в зависимости от исторических условий абсолютизм. Если поколебать абсолютизм, то пошатнется и вся страна. Исчезнет объединяющая сила, империя развалится, оказавшись беспомощными, люди тут же отыщут нового вождя-чудотворца, который создаст им порядок и безопасность. Сегодня в России царит хаос, страна распадается, граждане ее утрачивают последние надежды. Необходим новый лидер, и личность его должна быть бесспорной. Ельцин или Руцкой? — так стоял вопрос, и «народная легитимация» — парадоксальным образом вследствие подавление произошедшего два года назад путча — есть только у Ельцина. Оставим сейчас вопрос о том, почему понадобилось больше двух лет, чтобы Россия опять вошла в свою «нормальную» колею. Не будем обсуждать и то, что, возможно, Дюла Тюрмер был единственным венгерским политиком, который понял — и был настолько непредусмотрителен, что и высказал в своем ставшем пресловутым заявлении, — что залогом жизненно необходимой как для России, так и для Запада стабилизации является поворот к партии сильной руки. Даже если он и представлял себе этот поворот несколько иным.

Абсолютизм, разумеется, можно любить, а можно и не любить. Можно лицемерно проливать слезы над демократией и

тем временем поддерживать диктатуру. Нельзя одного: ждать от России используемых на Западе исторических понятий. Нужно четко понимать, что это другой путь исторического развития. Раз и навсегда следует покончить с заблуждением, что западные принципы и институты могут развиваться на русской почве естественным путем. Единство и разнообразие исторического развития может «осуществляться» посредством связанности этих двух регионов. Россия и Запад находятся и находились в рефлексивных отношениях друг с другом.

И здесь сопоставление Ельцина и Петра I правомочно. Оба они типично русские, оба стараются повернуть Россию к *западным образцам*, и тот и другой сверху, насильственно хотят ввести, насадить капитализм, понимая, что сам по себе, без вмешательства правителя, он едва ли может победить. По приказу, однако, нельзя сделать нацию буржуазной. Поэтому исторический эксперимент Петра I потерпел неудачу, но зато усиление империи — хотя и ценой страшных жертв — было достигнуто. Ельцин взялся за нечто подобное — мы с сомнением ждем результата.

Василий Ключевский, известный русский историк, еще в прошлом столетии сказал, что основным противоречием российской истории является обратная пропорциональность между интересами империи и ее подданных, следовательно: чем лучше для империи, тем хуже для ее подданных... Однако следует признать, что если нам нужно выбирать между деспотизмом и просвещенным абсолютизмом (как средствами квази-модернизации), мы без колебаний выберем последний... В крайнем случае подозревая при этом, что на эту роль скорее подошел бы Горбачев, зная в то же время, что Ельцин лучше, чем Руцкой. Давайте же болеть за то, чтобы Россия совлادала с этим нынешним вариантом «смутного времени», однако не будем смешивать преодоление анархии с демократией, и не устанем просить Бога о том, чтобы эта стабилизация империи не удалась слишком хорошо.

**Борьба за власть:
Ельцин и парламент — или ельциновская
школа прихода к власти.**

Едва ли можно дать точный, достоверно освещающий все детали произошедших событий ответ на вопрос о том, что же собственно говоря случилось в Москве в первых числах октября. Маловероятно, чтобы нашелся такой участник событий, который, будучи представителем того или иного лагеря, был бы готов без всяких недомолвок воспроизвести события. Оснований предполагать, что руководители противостоящих сил на определенных стадиях развития событий владели ситуацией хотя бы на уровне информации, у нас не больше, чем для того, чтобы утверждать обратное. Скорее всего оба лагеря вынуждены были представлять себе картину ожидаемого поведения противника на основе элементов, носящих во многом гипотетический характер. Это, по всей вероятности, так, несмотря на то, что та и другая сторона могла рассчитывать на помощь «внедрившихся» осведомителей. Но даже если предположить, что события с определенного момента развивались по сценарию, задуманному теми, кто в итоге вышел победителем в конфликте, все еще остается открытым вопрос: какой поворот событий в этой драме можно считать первой сценой задуманного сценария? В проводимых задним числом попытках реконструкции событий обращают на себя внимание уже не только осведомители и перебежчики, но становится видной и роль предполагаемых провокаторов. Ибо не нужно обладать богатым воображением, чтобы распознать в поведении тех, кто встал в итоге на защиту Ельцина, следующую политическую тактику: «показаться слабым, подвергшимся нападению и потом по праву нанести ответ-

ный удар». Но с той же вероятностью возможно и противоположное, то есть, что в действиях сторонников президента не было ничего заранее рассчитанного. События приняли трагический оборот не в результате политических планов и расчетов, а потому что оценка положения была в основе своей ошибочна. Представляется, что обе эти точки зрения могут быть аргументированы. От этого, однако, ответственность лагеря президента не становится меньше, поскольку политическая неспособность оценить поведение противника точно так же не может быть оправданием жертв, как и оперирующий целями будущей политики цинизм.

Однако это ни в коем случае не означает, что ответственность лежит только на Ельцине и его окружении. За обострение борьбы между соперничающими сторонами ответственны прежде всего те силы, которые не считали для себя обязательным соблюдать правила демократических дискуссий, более того, открыто нарушали эти правила. Именно вследствие поведения этих групп не было достигнуто общего соглашения даже относительно того, каковы общепринятые правила участия в политической борьбе. В таких условиях конечной целью политической борьбы было не то, останется ли у власти выдвинувшая своей целью вестернизацию страны элита, а то, сохранятся ли те институты, правовые и политические гарантии, которые и делают возможной саму открытую политическую борьбу. Приход к власти крайне правых или крайне левых уничтожил бы как раз гарантии того, что оппозиционные политические группировки смогут конкурировать между собой на регулярно проводящихся выборах при соблюдении выработанных на основе общего соглашения правил. К тому же в лагере сторонников крайних взглядов, среди которых ельциновское правление называют не иначе, как Временный Оккупационный Режим, уже не раз раздавались открытые угрозы физической расправы с западнической политической элитой. Все это неизбежно повлекло за собой «истеричность» в лагере Ельцина, временами поспешные, неоправданно агрессивные изменения в предпринимаемых им политических шагах. Политическая тактика оппозиции со всей

очевидностью способствовала тому, чтобы навязать противнику конфронтационную линию поведения, а президента заставить совершить такие политические ошибки, которые дадут повод для его смещения. Это последнее чуть не удалось в марте 1993 года, когда Ельцин посчитал, что наступило время выхода из патовой ситуации двоевластия.

Выступление Ельцина по телевидению 20-го марта — в котором он заявил о своем намерении назначить референдум на 25-е апреля, а также о введении до тех пор «особого режима правления» — дало его противникам в парламенте повод запустить «механизм отзыва президента». Всего нескольких десятков голосов не хватило для его смещения... В то время как члены парламента решали его судьбу, Ельцин на демонстрации у стен Кремля заявил, что не считает решение денутатов — каково бы оно ни было — обязательным для себя. Неизвестно, к каким последствиям привело бы смещение Ельцина в марте: сохранился бы в обществе мир или Россия погрузилась бы в тотальный хаос?

Но что же послужило причиной обострения конфликта между Ельциным и большинством Верховного Совета? Вопрос этот более чем правомерен, поскольку российский парламент во время его избрания, в 1990 году, отнюдь не был враждебен по отношению к Ельцину. В отличие от союзного парламента, избранного годом раньше, в российском парламенте уже не было горбачевской тактики «просеивания», вследствие которой треть мандатов изначально закреплялась за общественными организациями. И хотя большинство выбранных депутатов были членами КПСС, значительная их часть получила свои мандаты в противовес кандидатам, официально выдвинутым компартией. Российский законодательный орган тоже имеет двухступенчатую структуру, и в этом он воспроизводит органичения, присущие союзному парламенту. Двухступенчатая структура постоянно заседающего Верховного Совета и время от времени, но не менее двух раз в год, собирающегося Съезда народных депутатов несомненно отражает все политические реалии и компромиссы позднего периода эпохи Горбачева. Можно предположить, что эта

структура служит тому, чтобы парламент, с одной стороны, был институтом задуманного Горбачевым общественного контроля над КПСС, но чтобы осуществлял он это таким образом, чтобы и самому находиться под надежным контролем. Такой горбачевский прием осуществления власти под видом общественного контроля однопартийной системы привел к созданию весьма легко манипулируемого органа, члены которого лишь время от времени, в нормальном «рабочем порядке», — максимум два раза в год, входят в соприкосновение с миром «большой политики».

На первой сессии российского парламента образовались две фракции: «Демократическая Россия» и немного уступающая ей по численному составу фракция «Коммунисты России». Однако эти две противостоящие друг другу фракции, даже вместе взятые, представляли собой лишь частицу от общего числа тех депутатов, которые еще на тот момент не определились ни по одному из направлений. История соотношения сил в Верховном Совете это, собственно говоря, не что иное, как постепенная ориентация этой первоначально не определившейся части депутатов, причем, во все менее благоприятном для Ельцина направлении. Процесс этот к концу 1992 года достиг такой стадии, что, начиная с этого момента, президенту было все труднее проводить свою политику, и он вполне мог рассчитывать на все более частые попытки отстранения его от власти, более того, на упразднение самого института президентства.

Для политической переориентации парламента было много причин и стимулов. Прежде всего безрезультатность т. н. курса реформ, или, по крайней мере, более чем сомнительный характер этих результатов, все возрастающее обнищание населения вынудило членов законодательного органа переложить решающую долю ответственности на органы исполнительной власти. Созданию неблагоприятной для Ельцина ситуации в парламенте способствовало и то, что аппарат президента, различные президентские советы и другие альтернативные институты переманили значительное количество бывших депутатов парламента. А это, вероятно, могло произойти так

быстро и в такой мере потому, что действительной властью обладал не депутатский корпус, а построенный по принципу строгой иерархии исполнительный аппарат. Вследствие политических возможностей позднего периода перестройки «узурпация» власти «демократами» началась с депутатского корпуса, но шла она в направлении высших эшелонов исполнительной власти. Среди ключевых фигур возникшего в эпоху перестройки «первого поколения» «демократов» едва встречаются исключения из этого правила.

Верховный Совет в первые два года своей деятельности скорее был партнером и союзником Ельцина, чем его соперником. Во время путча 1991 года российский парламент был тем институтом, который оказался способным убедительно продемонстрировать и защитить суверенитет России, который до тех пор представлялся скорее только фиктивным, или по крайней мере, сомнительным. А в конце года этот парламент ратифицировал беловежское соглашение между тремя славянскими республиками, приведшее к распаду Советского Союза. И не в последнюю очередь, этот парламент предоставил Ельцину временные чрезвычайные полномочия для осуществления программы экономических реформ.

Кроме развала экономики сотрудничество президента и Верховного Совета начала осложнять также и сложившаяся после августа 1991 года во многих отношениях радикально новая политическая обстановка. С запрещением КПСС, а также с ликвидацией Советского Союза исчезла и сила, объединявшая их против общего врага. Одна за другой возникали парламентские фракции, располагавшие фиктивными политическими мандатами. Существование их, однако, во многих отношениях крайне проблематично. Не только потому, что создатели их действовали самоуправно — ведь они не имели и не могли иметь представления о возможной социальной базе созданных ими фракций, — но и потому, что они имитировали многопартийность, не умея даже создать необходимой для этого фракционной дисциплины. В одну и ту же фракцию часто входили члены и сторонники различных «партий», в то время как члены одной «партии» неоднократно включались в

работу разных фракций. Такая асимметричность в принадлежности к той или иной партии или фракции вела к образованию бесчисленных и разнообразнейших блоков и соглашений. А после того как депутаты получили свои мандаты, и принадлежность к фракции сама по себе не стала достаточно эффективным дисциплинирующим фактором, большинство депутатов, опасаясь за свое политическое будущее, избрало спасительной техникой поведения как можно более частые выступления в парламенте. Обрушившийся шквал самых разнообразных мнений сразу же сделал работу законодательного органа непредсказуемой и неоправданно усложненной. Это в первое время скорее неблагоприятно сказывалось на позиции президента и его политических сторонников, но в конечном счете обострение отношений сыграло для них свою положительную роль. Ибо парламент потерял свой авторитет в значительной мере именно вследствие пространных разглагольствований его ораторов.

Как же пытался Ельцин противостоять неблагоприятному для него изменению соотношения сил в парламенте? Он прибегал к различным средствам стабилизации своего политического положения. Прежде всего он попробовал сохранить тот свой имидж, который сложился еще во время его выступлений против партийного аппарата, но стал еще более отчетливым в дни путча 1991 года, то есть имидж решительного политика, готового взять на себя риск и не боящегося конфликтов. Ельцин, находясь на вершине власти, стремился сохранить те черты, которые сделали его столь привлекательным в качестве критика прежней системы. Это было не просто. Ведь в разные периоды политической борьбы он каждый раз выдвигал (или, вернее, его советники выдвигали) на первый план все новые стороны своей харизмы. Иногда это был скорее образ народного вождя, иногда — заботливого отца (патрона, благодетеля), а иногда — образ арбитра, разрешающего любые конфликты. Он признавал, что его политическая сила в значительной, а может, и в решающей мере зависит от создания такого политического образа, который бы лучше всего соответствовал представлениям характерным для доминиру-

ющей в России политической культуры и системы ценностей. В то же время Ельцин прекрасно понимал, что популярности самой по себе вряд ли достаточно для стабилизации его положения. С одной стороны, ему необходимы были такие инструменты власти, с помощью которых в данной ситуации его популярность стала бы непосредственной политической силой. Этому способствовало бы введение права назначения референдума в круг президентских полномочий. Однако эта столь желанная для Ельцина поправка к конституции неизменно наталкивалась на сопротивление хорошо понимавших ситуацию народных депутатов. В новом, подготовленном в основных чертах летом 1993 года, ельциновском проекте конституции право назначения референдума уже относится к кругу президентских полномочий. С другой стороны, Ельцин четко понимал, что хотя референдум, конечно, важен как своего рода последний, решающий аргумент в политической борьбе, он вряд ли может быть использован как оружие в повседневной борьбе за отвоевывание позиций. Поэтому, а также поскольку его прошлый опыт функционера наверняка подсказывал ему, что закулисные сделки и соответствующая кадровая политика пожалуй наиболее эффективны в «рукопашной борьбе», Ельцин один за другим создавал альтернативные, большей частью только формально имеющие право подачи советов институты и органы, которые или через своих руководителей, или вследствие финансовой зависимости были связаны с президентом и его непосредственным аппаратом. Эти концентрические круги президентской власти спустя некоторое время начали себя вести как потенциальная смена нелояльных по отношению к Ельцину органов и структур, как альтернативные исполнительные механизмы намерений президента. И среди них особого внимания заслуживает учрежденный после августовского путча 1991 года институт т. н. «доверенных лиц» президента. Созданием этой своеобразной системы «представителей на местах» Ельцин хотел учредить контроль за теми регионами России, которые уже тогда не очень охотно подчинялись президенту. Задействование этой структуры постоянно являлось серьезным источником кон-

фликтов как на уровне власти на местах, так и в соперничестве институтов центральной власти. Российский президент поэтому хотел в поправках к конституции добиться того, чтобы только он имел право назначать и отзывать своих «представителей на местах». Однако большинство депутатов видело — и не без оснований — в доверенных лицах президента институт, органичивающий компетенцию местных выборных советов, и поэтому не только отказало Ельцину в праве назначения и отзыва «представителей на местах», но и сам этот институт объявило вне закона. Как бы то ни было, сеть «представителей на местах» — несмотря на неопределенность их правового положения — вызвала и на уровне регионов дублирование структур местной власти, а также распространила на регионы происходившее до этого только в центре соперничество органов власти.

В получившем распространение в августе 1992 года проекте поправок к конституции Ельцин предпринял попытку усиления позиций президента еще в одном направлении. Он хотел добиться, чтобы вето президента могло быть отменено только двумя третями голосов депутатов, а не простым большинством голосов, как это было раньше. Тогда этот проект не нашел одобрения в парламенте. В обнародованном летом 1993 года проекте конституции, который был разработан тщательнейшим образом подобранной по своему составу Конституционной Комиссией, было учтено и это желание Ельцина. Но этот вариант конституции пошел еще дальше: он радикально изменил соотношение сил между президентом и парламентом. С одной стороны, он значительно затруднил механизм смещения президента, а с другой стороны, дал президенту возможность распустить парламент во время волокиты вокруг утверждения и не утверждения предложенного президентом правительства.

Естественно возникает вопрос: почему Ельцин ждал с роспуском парламента до сентября 1993 года? Ведь он уже давно не мог рассчитывать на то, что парламент согласится на этот роспуск. В выборе момента скорее всего решающую роль сыграли соображения политической необходимости и целесообразности.

Ельцин более или менее точно оценил свои возможности. Напрасно его радикально настроенные критики повторяют, что он допустил политическую ошибку, когда не воспользовался возможностью роспуска парламента ни после путча 1991 года, ни после заключенного несколько месяцев спустя и вызвавшего развал Советского Союза беловежского соглашения, поскольку как в том, так и в другом случае едва ли для этого представлялась реальная возможность. Как раз наоборот, в обоих случаях ему была крайне необходима поддержка Верховного Совета. Не следует забывать: Ельцин считал важным, чтобы ратификация парламентом беловежского пакта узаконила соглашение, приведшее к распаду Советского Союза. А после апрельского референдума опять же и речи не могло быть о роспуске парламента в качестве выхода из патовой ситуации. Референдум показал безусловное доверие Ельцину и проводимому им курсу, но отчасти и связал ему руки, так как в ходе него выяснилось, что большинство принявших участие в референдуме не требует роспуска парламента. В такой ситуации принять противоречащее этому решение было бы более чем рискованно. Ельцину предоставлялся выбор: или признать действительными ответы на все четыре вопроса референдума и под знаменем неполной, но убедительной победы продолжить борьбу за свои позиции, или же прибегнуть к радикальному решению и вступить в мир политической непредсказуемости, отказавшись при этом от одного из своих самых желанных политических орудий — референдума.

Наряду с причинами, вынуждающими отложить роспуск Верховного Совета, нельзя не заметить также и торопящие это событие обстоятельства, заставлявшие искать выход из политической патовой ситуации. Такую роль играла, например, эрозия сохранившейся еще с брежневских времен конституции. Причиной этого явления, с одной стороны, были анахронизмы еще сохранившихся частей изначального текста, а с другой стороны — постоянные поправки к ним в соответствии с сиюминутными политическими требованиями. Это положение сводило на нет правогапантирующую функцию конституции. Такая становящаяся все более фиктивной конститу-

ция все менее была способна препятствовать ее нарушению, и политические последствия нарушения конституции были сопряжены все с меньшим риском.

Ельцина подтолкнуло к действиям и выступление уже упомянутых, угрожавших расправой политических сил. Очевидно, президента и его окружение беспокоило также и то, что от враждебно настроенного парламента едва ли можно было ожидать содействия в принятии разработанного Конституционной Комиссией проекта конституции. А если парламент будет функционировать и дальше, сохранится угроза возникновения сомнений как в отношении содержания конституции, так и в отношении способа ее принятия. Распуск парламента давал Ельцину возможность окончательного утверждения текста президентского проекта конституции и вынесения ее на референдум.

Даже если соображения политической целесообразности делают выбранный Ельциным способ выхода из патовой ситуации приемлемым, и если даже принять во внимание тот факт, что большинство членов дискредитировавшего себя парламента едва ли можно считать гарантом демократии, — действия Ельцина все-таки вызывают глубокие сомнения. Можно, конечно, аргументируя тем, что «в интересах защиты демократии позволительно прибегнуть к решениям, преступающим правила демократии», сказать, что Ельцин действовал хотя и не легальным, но легитимным образом. Но только это последнее утверждение все-таки сомнительно.

Вызывает сомнения также и то, что изоляции крайних политических группировок самой по себе будет достаточно для установления прочного гражданского мира. Весьма ненадежна та демократия, где доля состоятельных и располагающих стабильным достатком людей так ничтожна по сравнению с общим числом нищенствующего населения. Если это не удастся изменить и если обуздание и изоляция радикально настроенных группировок останется целиком вопросом правоохранительных органов, то Россию ждет длительный период гражданских беспорядков.

Малая война русских государств

«Период безвластия в России кончился»

*Борис Ельцин*¹

«Откуда появилось это странное убеждение, что демократия — это Ельцин и ничего, кроме Ельцина? Живут себе народы разных стран, Франция, скажем, или Германия, без всякого Ельцина, но вполне при демократии ...»

В. Максимов, А. Синявский,

*П. Абовин-Егидес*²

«Государство, семья, собственность!»

*Сергей Шахрай*³

Ельцин — а мы пользуемся *этим именем* для обозначения всех тех политических сил, интересов, идей, которые вышли победителями из малой государственной войны 1993 года, лишь для того, чтобы подчеркнуть тенденцию к типично русской *оперсонификации* государства или к огосударствлению Ельцина — так вот, Ельцин, что бы о нём ни говорили, так же неспособен похоронить русскую демократию, как и неспособен её защитить. И дело здесь вовсе не в том, что он по складу характера непригоден для этих ролей, а в том, что даже он не может уничтожить или защитить того, чего на данный момент в России просто не существует, и чего — а проследив ход событий русской *государственной революции с 1985 до 1993 года*, мы можем это с полным основанием сказать — и не могло существовать. Конечно, мы имеем в виду русскую демократию, которая либо осуществляется самим русским обществом *в его непосредственных действиях*, либо не осуществляется никак. Для этого необходимо наличие свободного или

стремящегося к свободе, дееспособного, обладающего значительными автономиями и готового эти автономии отстаивать, способного к самоорганизации русского общества. Однако русское общество постсоветского периода слабо как никогда. Оно буквально превратилось в собственную тень! Так что же удивляться тому, что оно неспособно на инициативу и самостоятельные шаги, что даже *политический раскол в конце восьмидесятых годов произошёл не в обществе и не между обществом и государством, а в самом государстве*. И произошла эта великая историческая метаморфоза в форме конституционно-договорной и в форме анти-конституционно-кровавой смены государств, почти не затронувшей общество. «Демократия», «правовое государство», «разделение ветвей власти», «свободные выборы», «многопартийность», «рыночная экономика», «неприкосновенность честной собственности», и т. д. и т. п. — вдохновителем, приверженцем, а вместе с тем и гарантом всего этого, в России стало государство, точнее, не просто государство, а одно из её государств вопреки другому. Новое, приверженное делу «модернизации», «свободы» государство (!) пошло против старого, «антимодерного», «реакционного», в то время как разбуженное и едва стряхнувшее с себя сладкий сон коммунизма общество-Обломов нехотя сносило, терпело или с недоумением и любопытством наблюдало, что же на этот раз решило проделать с ним его государство-Штольц. Да и можно ли говорить о демократии там, где залогом, фундаментом её является не свободное общество, а «свободное государство», где принципы, законы, институты, механизмы, ограничивающие обуздывающие государство, формируются не на основе жизни, интересов, запросов, состава общества, где «демократия», является лишь *ответом на вызов, брошенный извне*, там, где, при необходимости, государство готово насаждать её силой, как во времена Екатерины картошку? Я говорю всё это не в качестве упрёка или поучения. Я не думаю, что русское общество следует или можно «призвать к ответственности» за то, каким оно является, то есть за то, что оно отличается от западного и из лениности или скудоумия не в состоянии взять в собственные руки дело свободы (а что же ему

делать, если «собственных» рук-то у него и нет, если руки эти испокон веков заменялись железными кулачищами государственной машины!). Я не думаю, что русское общество так слабо сейчас потому, что его «изнурил», «сделал больным» «дурман коммунизма», независимо от того, кто что понимает под этим самым «дурманом коммунизма»: антирусский «западный» дурман (как у русских националистов) или антикапиталистический, антизападный, «восточный дурман» (как у русских либералов). И русских демократов я не стану упрекать в «огосударствлении», в том, что они подобрали себе государство, чтобы через него проводить в жизнь свои «западнические» идеи, чтобы с его помощью создать предпосылки для «возвращения на магистральный путь развития мировой цивилизации», ускорить это интегрирование, поскольку опереться на другое, в западном смысле понимаемое общество, они просто не могли. Однако сути дела это не меняет, всё равно в этой интеграции заинтересовано не общество, а государство и вцепившиеся в него, «захватившие» его элитные группы, а пассивное сопротивление, страх и равнодушие общества по отношению к новым — на этот раз демократическим и рыночным — государственным формам в равной степени относятся и к государственному насилию «вестернизации», и к самой западной цивилизации. То, что поначалу производит впечатление социального и политического сопротивления (а некоторыми политическими группами это именно таким образом и обыгрывается), на самом деле скорее представляет собой неприятие чуждой цивилизации, а то, что кажется победой демократии, на самом деле — не что иное, как победа нового, пришедшего на смену старому и одряхлевшему, набирающего силу государственного центра над русским хаосом. Не демократия и не диктатура, а модернизированная, оснащенная новыми институтами и идеологией, технологически усовершенствованная государственная власть. И до тех пор, пока альтернативой сильного государственного центра является общественный хаос, произвол на местах и гражданская война, пока *отсутствие сильного и автономного общества* не приведёт к тому, что огромная, занимающая целый континент

историческая Россия окажется разделённой на множество русских государств, до тех пор, пока русское супергосударство двадцатого века не сможет распасться без хаоса и мировой катастрофы — более того, нет такого политического скальпеля, которым можно было бы её распластать —, до тех пор неотвратно будет повторяться то событие мирового масштаба, которое всегда следует за русскими «переходными периодами», за «смутами»: рождение нового единого государства, нового центра. И тогда — совершенно независимо от того, как назовёт себя это новое государство и чем оно себя воображает, «просвещённым обсолютизмом», «коммунизмом» или «демократией» — восстанавливается преемственность русского развития, реставрируется «восточно-европейская модель развития» (Ене Сюч), а русская цивилизация получает очередную отсрочку. (Создаётся видимость, что единое государство губительно для русской цивилизации, на самом же деле оно, присущим ему чудовищным образом опираясь на неё, продливает ей тем самым жизнь. И проблема здесь не с самой самобытной русской цивилизацией, столь отличной от западной, а с той ценой, которую уже вынуждено было заплатить за её сохранение русское общество и весь мир и которую, похоже, ещё предстоит заплатить.

1

В свете вышесказанного, возможно, понятнее та терминологическая, идейная и политическая неразбериха, та размытость линий политических фронтов, которая делает из применяющего «шоковую терапию» государства *левых*, а из эгалитарной антикапиталистической оппозиции — *правых*, в которой «красные» и «коричневые» находят друг в друге *патриотов*, вчерашние демократы с незапятнанной репутацией во мгновение ока становятся «антидемократами», «сторонники свободы» — «государственниками», а истинные демократы, люди, защищавшие в августе 90-го Белый Дом, к октябрю 93-го превращаются в «коммуно-фашистских пигмеев».

Пора бы наконец понять, что в России всё происходит по-другому, политические события развиваются по другой колее, не так, как на Западе. Другие понятия вкладываются в слова «демократия», «государство», «революции», и за словами «национализм», «популизм», «фашизм» стоит не то, что мы думаем. И когда мы для описания и анализа событий русской политической жизни ничтоже сумняшеся используем выражения, заимствованные из западной политической жизни и из западного политического жаргона, мы оперируем расплывчатыми метафорами, в большинстве случаев лишь вводящими в заблуждение, не отражающими истинный ход и самобытность происходящего. И тогда нам на минуту кажется, что всё «сходится», всё «раскладывается по полочкам», всё поддаётся объяснению, однако, в следующий момент мыльный пузырь лопается, это минутное просветление сменяется подлинной тьмой, в которой начинают вырисовываться контуры «загадочной», «умом не постижимой», «несущейся птицей-тройкой», России, в которую «вселились бесы»...

Таким образом, тот, кто говорит, что осенью этого года президент Ельцин, «законно пользуясь возложенной на него властью, распустил парламент, как это сделал в своё время Валенса, тоже распустивший парламент и назначивший новые выборы», или тот, кто пишет, что во время октябрьской госвойны «президент Ельцин подавил коммуно-фашистский мятеж», тот не просто неточно выражается, он говорит бессмыслицу. Что греха таить, такая бессмыслица частенько срывается у нас с языка. Западный, а точнее, «западно-восточный» человек, с его высокомерием цивилизатора и запалом миссионера зачастую не замечает и не осознаёт «инакости» и более разительные, чем русские. Инакости или не замечаются, или замечаются как отклонение от нормы, и тогда — горе нарушителю. Россия, таскающая на себе «инакость» как тяжкую постыдную ношу, пытающаяся избавиться от неё, сваливая всё на других — на инородцев, на русофобские силы и идеологии, больше всего на свете хотела бы соответствовать западным нормам, стать наконец «нормальной страной». И именно эти её старания, отчаянные и суетливые по-

пытки уподобиться, видоизмениться искажают её облик, подчёркивают, насколько безнадёжно иной она является. Ведь задача, в действительности стоящая перед ней, заключается в обратном: в признании своей самобытности «нормальным» состоянием, в модернизации на основе этой самобытности, а не в том, чтобы то обожествлять и превозносить эту самобытность, то, наоборот, ненавидеть и стыдиться её, свидетелями чего мы недавно снова стали.

Следовательно, вероятность того, что Ельцин сумел бы сыграть в октябре роль «русского Пиночета» так же мала, как то, что из него — при ином исходе событий — получился бы «русский Альенде». И вовсе не потому, что по складу характера он не подходит для этих ролей, а потому, что парламент, состоящий из народных депутатов, не был «демократией», президент — легитимным главой демократической политической системы, а Ельцин, пославший армию на обстрел Белого дома, — «военным диктатором». Уже само употребление слов «диктатура» и «демократия» в России сомнительно, поскольку диктатура предполагает то, что в стране была, есть или по крайней мере возможна если не сама демократия, то её зачатки, общественные условия, предпосылки. Если бы Ельцин сумел осуществить диктатуру в современном понимании этого слова, это означало бы такой революционной перелом на уровне общественной модели, по сравнению с которым та шоковая терапия, спущенная и проводимая либеральными реформаторами-экономистами из государства, — не более, чем эпизод «азиатского способа производства». Естественно, я не хочу этим сказать, что такая «диктатура» желательна или «исторически оправдана», я хочу лишь показать, каким рискованным может быть уже один только перенос на русскую историческую сцену тех привычных формул, которые обычно используют для выражения политического одобрения или политического осуждения.

...В Чили демократия была создана обществом, она отражала политическую расчлененность общества и стала невозможной в результате внутреннего раскола общества. В России же — и не в первый уже раз — кризис наступил в госу-

дарстве, и кровавые события, разразившиеся в октябре, только заделали общество. На московских улицах общество появляется в виде некоего «прохожего», уличного зеваки, раскрыв рот, наблюдающего схватку богов на «государственном Олимпе». Он подсматривает, глазаёт, разглядывает в подзорную трубу с балкона (словно в театре), не может оторвать глаз, как зевака, который по дороге с работу или на работу оказался свидетелем дорожного происшествия.

Большинство жертв кровопролития — это не активные участники боёв, а снующие среди вооружённых людей, любопытствующие гражданские лица (кроме тех, кто оказался заложником в Белом доме). Таковую же картину реакции всего общества мы наблюдали в августе 1991 года, во время первой постсоветской смены государств. (Осторожно! Здесь нас не должна вводить в заблуждение активность наиболее решительно настроенных, наиболее политизированных групп интеллигенции и городских низов: на десятимиллионную Москву это несколько сот тысяч человек!) Иначе и быть не могло, ведь раскололось не общество, на две части распалось государство, не гражданин пошёл на гражданина, а одно русское государство объявило войну другому. Не будем сейчас разбираться в том, «кто начал?», «кто объявил войну?», «кто спровоцировал?», «кто предпочёл тишину тайной дипломатии грохоту орудий» и даже в том, «кто виноват?» и «кто был прав?» Сути дела, а именно того, что в Москве имела место не миниатюрная гражданская война, а миниатюрная государственная война и подавляющее большинство граждан заняло при этом позицию сторонних наблюдателей и болельщиков, это не меняет. Несправедливо было бы, однако, упрекать и осуждать за это русское общество, как это сделали после октябрьских событий в своих страстных публицистических статьях многие видные русские интеллигенты. Не прояснит картины и попытка усмотреть в пассивности общества, в его равнодушии, «сторонней позиции» решительную политическую позицию (за или против). Для русского общества, политически нерасчленённого, неспособного отделиться от государства, *и в августе, и в октябре* эта пассивность была *обычным, нормаль-*

ным историческим поведением. Русское общество всегда вело себя подобным образом в переходные периоды, в смутные времена, на этапах смены государств (инверсией этого поведения, как мы знаем, является «русский бунт», который нашёл своё выражение, например, в пугачёвщине и погромах, тот самый, «бессмысленный и беспощадный» — согласно заезженной цитате из Пушкина. Общество до такой степени неформально, слабо, что — опять-таки вопреки опасениям и зловещим предсказаниям на Западе — даже стремительного падения жизненного уровня, даже полного обнищания, даже обострения социальных противоречий между очень богатыми и очень бедными оказалось недостаточно, чтобы оно вышло наконец в политику или на улицу (исключение составляют случайные толпы, собирающиеся на антиельцинских демонстрациях и состоящие из несчастных, стариков, юродивых и люмпенов). Даже профсоюзы скорее являются частью государства, чем общества, не говоря уже о православной церкви, которая никак не может вжиться в свою новую роль и вместо того, чтобы стать «гласом» народа, занимается посредничеством между различными государственными интересами и группировками, к чему предрасполагает её вся её многовековая история. (Характерным и неловким эпизодом русской государственной войны стала попытка православной церкви выступить в роли посредника между двумя государствами, между «двумя братьями», напоминая попытку Митрополита Московского помирить великого князя с его братом в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв»). Провал этой инициативы, помимо самой неудачи, означал также серьёзный урон для престижа церкви.

2

И в августе 91-го, и в октябре этого года одно русское государство пришло в столкновение с другим. Не изменилось и место действия, только на этот раз те, кто раньше живым кольцом заслонял Белый дом, теперь, окружили его кольцом

осады, а многие из бывших защитников, после безумной и кровавой попытки захвата власти, засели в здании парламента, прямой наводкой обстреливавшегося армией. На одной стороне оказалось *государство-президент* Ельцина, на другой — опирающееся на власть советов *государство-парламент*. Государство-президент, бастион «демократических реформ», «шоковой терапии», было одновременно и *новым государственным центром*, оно же было и исполнительной властью, действия которой парализовывал парламент. Государство-парламент в свою очередь стало «государством-регионов», «государством, представляющим местные интересы», местом, где могли заявить о себе старые и новые номенклатурные группы. Вокруг него сплотились все враждебные государству Ельцина силы, группы, идеи, интересы. Неправильно было бы однако полагать, что легитимность государства-парламента основывалась лишь на действующий, но до неузнаваемости латаной-перелатанной конституции, провозглашающей, что вся власть принадлежит советам. Незаконно распущенный в сентябре 1993 года русский парламент советов в 1989-ом был избран на первых выборах, когда избиратели выбирали из нескольких кандидатов, причем сделано это было в соответствии с направленной на раскол государства стратегией Горбачёва, в противовес *централизованному имперскому партийному государству*. (Возрожденный лозунг 1917 года «Вся власть Советам!») Более того, в августе 1991-го парламент получил и революционную легитимацию (правда, эта революция была скорее дворцовым переворотом), защитив вместе с Ельциным новое русское государство и разрушив *централизованное советское государство-президента*, в которое по своему вкусу пытался превратить Советский Союз, оставшийся без Коммунистической партии, последний генеральный секретарь Горбачёв. Таким образом, парламент-государство советов было не каким-то реликтом, дошедшим до нас из советского прошлого, не искусственным политическим образованием, которое поддерживала к жизни одна только, да и то уже недействительная, советская конституция, которую можно было упразднить одним росчерком пера,

одним единственным указом, подобно тому, как упразднил в декабре 1991-го горбачёвское государство-президента Ельцин. Она была обладающим действительной легитимацией, *новой легитимацией* (правовой легитимацией, полученной от избирателей, традиционной легитимацией и «революционной легитимацией») силовом центром, интегрировавшим существующие интересы (и прежде всего, региональные) и ставшим боевым инструментом в руках постепенно вытесняемых из ельцинского государства, отодвигаемых на задний план, оказавшихся в невыгодном для них положении элитных групп номенклатуры и «бандократии», *тем инструментом*, с помощью которого они попытались ограничить, подчинить себе власть государства-президента, вплоть до сначала конституционного, а потом уже и насильственного её свержения. (Конституционный период русской государственной войны — кто кого заставит уйти? парламент снимет президента или президент распустит парламент? — не сразу сменила двухнедельная вооруженная конфронтация, насильственные выступления. Интермедией стала война против коррупции, начатая опальным, вытесненным из ельцинского государства вице-президентом Руцким. В этой войне одно русское государство пыталось уничтожить другое, объявленное им «рассадником преступности», «новым Вавилоном», «государством-мафией», и делалось это с *привлечением органов правосудия*. До того, как а ход пошло оружие, схватки прошли в конституционном суде и прокуратуре, в результате чего едва не разорвали пополам председателя конституционного суда и генерального прокурора, на последнем этапе борьбы чуть было не разодрали на две части патриарха. Точку в посреднической миссии главы православной церкви, закончившейся провалом, поставил его *политический инфаркт*. Политическим инфарктом закончилось и бесславное посредничество председателя конституционного суда Зорькина, ещё до его отставки и приостановки деятельности конституционного суда. Один только Генеральный прокурор Степанков сумел выйти сухим из воды, его с почестями освободили от занимаемой должности. А вот общество два русских государства разорвать не сумели, даже по

шву армии. Если бы это произошло, гражданская война оказалась бы неминуемой, о чём и подумать страшно.

Русское государство-парламент, вне сомнений, *оказалось слабее* государства-президента, несмотря на то, что оно обладало *правовой, революционной и даже традиционалистской* легитимацией (советы за 70 лет приобрели статус традиционалистского института). «Легитимационный перевес» государства – президента, оказавшийся впоследствии решающим, объяснялся «народной харизмой» Ельцина. Конечно, легитимация президентской власти была правовой (по Веберу, рационалистической), ведь Ельцин был избран в президенты Российской Федерации, набрав большинство голосов, на настоящих президентских выборах, в отличие от Горбачева, которого избрал не народ, а парламент и чья легитимация, таким образом, была слабее, чем у Ельцина. Более того, Ельцин подкрепил эту легитимацию в мае 1993-го всенародным референдумом, целью которого было отстранение парламента в рамках конституционной законности. Правда, он не сумел с помощью референдума поколебать законную легитимацию государства-парламента, чтобы на основе полученного от народа мандата законно и без кровопролития распустить парламент. Но ведь государство-президент и раньше, и теперь опиралось и опирается не на эту, то есть, на правовую, а на свою харизматическую легитимацию. Национально-русская и народно-русская политическая фигура Ельцина, его стиль, манера говорить *располагают к нему и помогают принять всё то*, что государство-президент делал и делает, от либеральной шоковой терапии до новой централизации, от правления с помощью указов до назначения новых выборов и учреждения Думы. Помимо *незримой* игры экономико-политических сил, рвущихся к власти, стремящихся вытеснить, а потом уничтожить другое государство, именно в этом кроется объяснение поражения государства-парламента. Оно не сумело найти такую личность, которая смогла бы стать её политическим воплощением, и поэтому харизматическая легитимация Ельцина осталась в силе. («Вознесение» Руцкого в государство-парламент, во-первых, произошло слишком поздно, во-

вторых, Руцкой с его ролью «бравого русского вояки» вряд ли сумел бы когда-нибудь взять верх над «народным», точнее, «номенклатурно-народным», медленно говорящим, одновременно по-детски наивным и плутоватым, нерешительным и беспощадно быстрым, наделённым силой «русского богатыря» Ельциным.) Государство-президент, *и с этой точки зрения тоже*, олицетворяет полнейшую преемственность русского развития. Не только в том смысле, что опять государство оказывается и инициатором, и исполнителем, и гарантом изменений, и не в том, что опять восстановление «преемственности русского развития» происходит с помощью ломки и разрыва, а в том, что из претендентов на статус русского государства в момент исторических перемен в конце концов победителем выходит тот, кто остаётся на исторической арене, кто умеет воплотиться в одном единственном лице, то есть тот, для кого главным легитимационным принципом станет исключительность личности, её особый дар, иными словами, харизма. И с этой точки зрения, между петровским, сталинским и ельцинским государством принципиальной, существенной разницы *пока нет*. Разница есть, возможна и, по всей вероятности, будет в том, что в соответствии с «идеями, господствующими» в данную историческую эпоху, с общепринятыми или модными принципами и технологией управления механизмом власти, Пётр I внедрял просвещённый абсолютизм и достижения *камералистики* в области государственного устройства, опираясь при этом на им же созданную «дворянскую бюрократию», Сталин довёл до совершенства принципы организации военного государства и военной экономики двадцатого века, опираясь при этом на бюрократию «партийного дворянства», на номенклатуру, Ельцин же берёт на вооружение либеральную доктрину демократии и её организационные принципы и пытается опереться на государственно-производственную (вросшую в государство, прилипшую к нему) номенклатуру, которую — вслед за Столыпиным — называет «средним классом». Во всех трёх случаях мы имеем дело с *«замещением среднего класса»*, когда государство творит по своему образу и подобию «общест-

во», «средний класс», как и — в случае необходимости — европейскую столицу, тяжелую промышленность, мануфактуры, космические корабли, а если потребуется, и демократию с рынком. Преемственность заключается в том, что и петровская формальная и функциональная бюрократия с её институтами Сената и Священного Синода, и сталинская государственная партия вместе с советским парламентом, и ельцинское президентство с новоиспечённой думской демократией были и остаются всё теми же творениями государства и бога-государства. И с этой точки зрения нет существенных различий между «Генеральным регламентом» Петра 1, «советской конституцией» Сталина и новой российской конституцией Ельцина: все они выражают всеисилие государства, все они разработаны и введены государством, все они гарантируют видимую независимость общества, оправдывая-прикрывая тот разрушающий и творящий произвол, порождением которого они сами являются.

3

Политическая легитимация Ельцина (или того государства-президента, которое он олицетворяет) как бы объединяет в себе все легитимационные принципы государств русской истории: харизматическую легитимацию русского царя, то есть самодержавия, бюрократически-правовую, превратившуюся в традиционную легитимацию советского генсека и демократически-правовую президентскую легитимацию западного типа. А основой этого объединения является новая государственность, если угодно, воссоединение распадающейся России. Так что неудивительно, что Ельцин за последние два с половиной года чаще и эффективнее всего предстаёт перед обществом и внешним миром не в политических «ипостасях» *переговоров, компромиссов, сделок, а в указах (приказах, распоряжениях, поручениях), ультиматумах и воззваниях*, то есть в ипостасях политической конфронтации, и именно таким, *демонстрирующим силу, обещающим непосредственные и без-*

отлагательные политические меры, Ельцин вызывал симпатию, имел успех, пользовался популярностью. (Это как нельзя лучше подтверждает тот факт, что популярность Ельцина после того, как им был разогнан и разгромлен парламент, а затем введено чрезвычайное положение, быстро возросла. Выход на арену «твердой руки, наводящей порядок», «кладущей конец безвластию», «сильного человека» вызвал всеобщий вздох облегчения и симпатию не просто потому, что общество, якобы, «устало» от драки за власть, от хаоса и всё больше страдало от отсутствия безопасности, а ещё и потому, что оно не могло представить, да и не хотело *никакого другого порядка*, кроме порядка, установленного государством. Если государство опять станет сильным и сумеет навести порядок, общество, так и быть, простит ему, что оно разводит партии, играет с ним в демократию, со всеми этими Думами, двухпалатными парламентами и предвыборной канителью.) Русская модернизация, сердцем которой является государство, начавшее и проводящее её, и русская традиция государственности, олицетворяемой одним человеком, преемственна и в том смысле, что она на протяжении веков снова и снова сталкивается с одними и теми же неразрешёнными дилеммами и снова и снова предлагает тупиковые решения. Помимо основной дилеммы модели восточно-европейского развития (государство опережает общество и насилует его, а попытки создать государственным путём независимое общество всегда кончаются тем, что на месте свободного общества возникает «тотальное государство», лишаящее его даже этой скромной, едва народившейся независимости, подминающее его под себя) мы снова сталкиваемся здесь со старыми проблемами, например, с тем, что судьба демократических реформ зависит от одного единственного человека, чьё исчезновение может создать *политический вакуум*, привести к крушению всего государства-режима, и чьё присутствие является единственной гарантией того, что будет «демократия» и «рыночная экономика», и этот же человек является единственным фактором, препятствующим тому, чтобы государство «разрослось» и стало развиваться а тоталитарном нап्रा-

влении. После трёхсот (а то и пятисот) лет перепетий царского самодержавия и сталинского тоталитарного государства критически настроенные интеллигенты, либералы и демократы, и сегодня по-прежнему уповают на «сильное государство» и «сильного правителя». (Справедливости ради надо заметить, что в России отчаявшемся *интеллекту*, *решившему заняться политикой* и являющемуся сторонником «свободного», «открытого» общества и «рыночной экономики», ничего другого и не остаётся.) Юрий Карякин, «инакомыслящий» литератор, настоящий демократ, не просто стал членом так называемого «президентского совета», призванного заботиться о просвещении правителя, человека, в общем-то, «доброго» и «открытого», в интервью, данном им через несколько дней после октябрьской государственной революции, заявил, что является убеждённым приверженцем «сильного государства», «крепкой руки»: в России, якобы, это единственно возможный фундамент для законности и демократии. Сидя в такси и направляясь на очередное, на этот раз «победное» заседание президентского совета, он следующим образом рассуждает о прекрасном единении «интеллигенции и народа»: «Вот ехал на последний президентский совет (а народ сегодня ничего не боится, не боится, что кто-то донесёт, и все говорят, что думают), и шофёр говорит: «Ну, покажет наконец этот мужик, что он мужик?!» Вот если президент сумеет стать партией порядка и хотя бы ликвидировать с такой армией, которой нечего делать, этих бандитов, что стреляют в людей из окон, с крыш, ввести военное патрулирование, чтобы на улицах можно было спокойно ходить, если он предстанет психологически твёрдым представителем порядка, то это хорошо.»⁴ А на вопрос, где гарантия, что не знающее общественного равновесия, ограничений власти государство пойдёт в направлении именно «парламентской демократии», Василий Селюнин, экономист — «демократ» и публицист, пишущий свои статьи с позиций «здорового крестьянского смысла», не моргнув глазом, отвечает: Гарантия — Ельцин. «Такая опасность всегда существует. И тут стопроцентной гарантии никто не даст. Но президент не тот человек. Правда, это ещё ничего не значит,

есть его окружение и т. д.. Но президент не тот человек, и мы тоже на то и существуем, чтобы не допустить перехода за эту грань. А потом большой, не сказать — длительный, это всего несколько лет, но большой исторический путь народ прошёл со времен тоталитаризма, и сейчас туда загнать снова, какую-то диктатуру учредить не только трудно, но, я думаю, невозможно. Но и мы дремать, конечно, не будем.» — говорит Селюнин⁵) Карякин пишет по этому поводу следующее: «...Наблюдаю президента ещё до президентства его года четыре-пять, наверное. Вот этого зерна тоталитаризма, стремления к власти — этого нет совершенно! Напротив, было стремление обойтись без крови, и есть ещё наивность потрясающая, на которой его обвели вокруг.»⁶

Но как бы ни «слилось» это новое государство с личностью Ельцина, вряд ли можно отождествлять его «хороший характер» с «хорошим характером» государства, оставшегося без противовеса власти, без общественного противовеса. Вряд ли возможна демократия там, где только от самоограничения государства — от его разумного эгоизма, от осознания собственных интересов — зависит, насколько далеко зайдёт оно в поглощении общества. А уповать на личные качества Ельцина (не любит власти, терпелив, миролюбив, доброжелателен и т. д.), как это уже не раз бывало в русской истории, и теперь означает уход от настоящей дилеммы, или последний луч надежды в тёмном царстве. Русская интеллигенция уже верила и надеялась на правителей-реформаторов и кровавых диктаторов — от Петра I до Александра II, от Ленина до Хрущева и от Сталина до Горбачёва — каждый раз веря в государство (в «сильное», но стоящее «за правое дело») и возлагая на него надежды, витиевато выражая при этом свои чувства, и *в них же*, в этих личностях (от антихриста Петра до антихриста Сталина, от беса Ленина до беса Горбачёва), она видела средоточие мирового зла в периоды разочарований, утраты иллюзий, когда государство ослабевало или распадалось. До тех пор, пока на одной шестой суши не «сможет прекратить своё существование» «единое государство», до тех пор, пока оно возрождается снова и снова, потому что возрождается необходи-

мость в интеграции этой огромной территории на политической и идеологической, то есть, «сверху» и «извне», основе (в противном случае крушение государства повлечёт за собой внутренний хаос, сегодня уже чреватый ядерной катастрофой), до тех пор, пока *государство* не станет играть роль всего лишь политических рамок для уже осуществлённой экономической и культурной интеграции, а не будет «историческим субъектом», «главным двигателем», *демиургом* просвещения, социализма, рыночного хозяйства, демократии, до тех пор обстановка «на Востоке» не изменится, до тех пор будет сохраняться опасность «*обоожествления*» или «*сатанизации*» тех политических деятелей, в которых оно воплощается. Слегка преувеличивая, можно сказать, что классическая сатира Салтыкова-Медрина «История одного города» и по сей день остаётся самой актуальной русской книгой.

4

Конечно, сколько русских государств, столько государственных стилей, столько у него «обликов» и столько «иллюзий». Ельцин, каким бы фантастическим образом ни изменилось новое русское государство, никогда не станет ни «Земным Христом», «Богом на земле», как русские цари, ни «Великим кормчим», «Отцом», «Вождём», как Ленин или Сталин. И не только потому, что он не та историческая личность которая, сосредоточив все свои силы на достижении одной единственной цели, *своей волей творит* новую Россию на месте старой, не потому что уже недостаточно молод для таких «созиданий» (ему уже не хватает энергии и бодрости, нет и необходимого фанатизма), не потому что он вышел из класса номенклатуры, что социализировало его в первую очередь на службу, на исполнение, а не на правление и созидание, он не сможет стать «божественным» и/или «сатининским» правителем, тираном потому, что обновление русского государства требует *нового осмысления* старой роли, и это новое воплощение в наше время передаётся не с помощью печатного сло-

ва, а через масс-медиа, с помощью технического изображения и «опосредованной речи», которые по своей природе способны делать из личности лишь звезду, но никак не *Бога* или *Дьявола*. (Поэтому попытки «сатанизации» и Горбачёва, и Ельцина оказались столь безнадёжно комичными, и поэтому эти попытки не смогли выйти из семантического круга благотворно *туманного*, но в наши дни *почти неэффективного* литературного слова. В то же время электронные средства массовой информации сделали явной гротескную комичность Хасбулатова, спикера парламента, игравшего роль «Великого гражданина», при том так, что он об этом даже не подозревал.) Для нового воплощения старой роли, для плана создания *нового*, западного по своему типу, повернувшегося лицом к Европе и Америке государства необходима была политическая и институционная маска президента, причём президента республики, обладающего правовой легитимацией. После эпохи царей и вождей-генсеков пришла эра *русских (или российских) президентов*. Надо сказать, что патент на изобретение принадлежит Горбачёву: это он «придумал» президентскую власть и президентскую республику, чтобы протянуть свою власть генсека советского имперского партийного государства через игольное ушко правого государства. Именно он был первым советским генсеком, который — хип-хоп! — перекувырнувшись, стал президентом. Но этот двойной трюк — удержание власти и смена государственного устройства — у него подсмотрели и переняли генсеки других советских республик. Даже «выжитый» из Политбюро Ельцин, получил возможность с другого бока коня-государства снова уцепиться за власть. Иначе едва ли бы Горбачёву удалось удержать начавшиеся по команде сверху изменения в *государственном русле*, к тому же правовая, рациональная легитимация президентской власти больше соответствовала ярко выраженному *западному* имиджу русского государства, с помощью которого он сумел эмоционально расположить к себе «Запад» и политически ввести в заблуждение «Восток». Этот *западный* стиль исполнения старой роли был доведен Горбачёвым до совершенства, что и понятно, ведь он играл перед «зрительным за-

лом» Запада. И, судя по всему, настолько убедительно, что в роли президента и экс-президента стал *настоящей звездой медиа*, сумевшей агонию старого советского государства, его распад и исчезновение с карты мира *преподнести как своё собственное политическое достижение*. Ельцин на самом деле лишь подхватил президентскую роль Горбачёва, повернув её к русскому зрительному залу. Его новаторство и оригинальность заключались в том, что он внес в президентскую роль *народно-русские и национально-русские моменты*, словно вселив в неё душу: из холодной, чужой, обращенной на собственную личность и на внешний мир роли он создал роль теплую, уютную, располагающую к себе. Если Горбачёв как президент играл роль белого клоуна, то Ельцин — спотыкающийся, из-за своей наивности вечно растягивающийся на полу, поучаемый и проучаемый, получающий затрещины Ельцин — это рыжий, и уже одним этим он более симпатичен соотечественникам, чем Горбачёв. *Вспыльчивый, горячий, ершистый* Ельцин, «задира», «младший сын из русской сказки», скандалист-номенклатурщик, у которого сердце болит за народ, сумел слить воедино эту свою роль с *божественной, или аристократически-элитной* холодностью роли харизматически легитимных царей-генсеков-вождей-пантократоров и рационально легитимного президента республики, создав такую новую роль, которая отвечает и русскому менталитету, и скрытой двуликости нового русского государства. Поэтому политический имидж Ельцина и его легитимацию государства-президента в далёком прошлом можно сравнить скорее с «контр-царём» Емельяном Пугачевым, чем с Петром I или Сталиным, в советской же истории напрашивается аналогия с Никитой Хрущевым. Но именно это соединение *данной, «западной»* роли в *популистско-националистической инструментовке*, и создает «Ельцина» (ибо и Ельцин такая же находка, как институт президентства, только его «придумали» демократические интеллигентские круги и заинтересованные в приватизации государственной собственности группы предпринимателей и номенклатурщиков, в то время как институт президентства — это изобретение Горбачёва и его команды,

именно этот народно-демократический президентский имидж позволил даже пресловутую шоковую терапию разыграть как «народную комедию», положительным героем которой стал «сильный человек, мыслящий в категориях «пятиста дней и рынка», не терпящий промедлений, быстро и решительно вводящий «рыночные отношения» и безжалостно топчущий бесстыжих коммунистических «гадин», «врагов народа», кладя конец саботажам и сговорам, решительным образом пресекая интриги и слухи. Без этого президентского имиджа, без такого политического образа Ельцина программа демократов стала бы производить впечатление *полнейшего абсурда*. Экономико-политическим группам, представляющим опеределённые интересы и вцепившимся в это государство, пришлось бы тогда или воочию предстать «нагишом», без идеологической одежды, или же прикрыться такими идеями, которые в России не могут превратиться в мифы и заслонить истинные интересы. Без политического мифа Ельцина «демократы» — мы пользуемся для обозначения нового государства тем названием, которое они сами себе дали — не смогли бы победить ни в августе 1991-го, ни в октябре этого года, они не смогли бы разбить сначала враждебное им советское государство (государство Горбачёва), а потом и парламентское государство (государство Хасбулатова). И с этой точки зрения политическая роль Ельцина в процессе преобразований в России — независимо от того, как он завершится или продолжится — неопределима, несмотря на то, что он таким образом сыграл эту роль — искренне, достоверно, убедительно —, что на самом деле он был на эту роль выбран. Вот почему он должен её доиграть. Ельцин как политический образ — это коллективное достижение новой «демократической» или либеральной номенклатуры. Ельцин является «групповым портретом» этого нового класса. Пока мы не знаем, создадут ли в дальнейшем группы, создавшие новое русское государство и взявшие его в свои руки, интеграционные рамки для представительства интересов других общественных групп (региональных, профессиональных, собственников и т. д.) и будет ли означать это новый этап на *последовательном пути* русской модернизации.

«Модернизаторы» и «цивилизаторы» (они же «демократы») прочно удержались на историческом повороте в октябре этого года: в пламени настоящей войны, в которую неожиданно перешла холодная война между двумя государствами, они, опираясь на «народную харизму» Ельцина и «активный нейтралитет» армии, смели со своего пути государство-парламент. Спору нет, русское государство-парламент главным своим делом считало не капиталистическую модернизацию, а представительство интересов вытесненных из властно-экономической борьбы, отставших, обойдённых, униженных, обобранных. Но делали они это, опять-таки ссылаясь на демократию, объявив себя её оплотом, так же, как это делало государство-президент Ельцина. Оба русских государства считали друг друга «врагами демократии», и оба русских государства орудовали этой, как им казалось, им одним принадлежащей демократией как дубинкой, только для того и пригодной, чтобы хорошенько огреть ей государство-противник. И что ж, «демекратия» государства-президента оказалась, проворнее и сильнее: «демократия», то есть группы интересов, объединившихся в государстве-президенте и объявивших себя интересами всего общества, раздавила «врагов демократии», то есть местные и общественные интересы, объединенные в пестром конгломерате государства-парламента, для того, чтобы на расчищенном от «врагов демократии» поле действия начать строительство долгожданной демократии, иными словами, порядков ельцинского государства-президента. Государство-президент, которое раньше могло опираться только на внутреннее ядро *своего политического окружения* (так называемую свердловскую команду), на *новичков*, примкнувших после августовских событий (перебежчиков, спасителей Ельцина, защитников Белого дома), а также на ельцинских комиссаров (полномочных представителей президента в регионах), на чиновников, на администрацию, за последние полтора года — с помощью обещаний и уступок — переманило на свою сторону наиболее влиятельные элитные группы военно-

промышленного комплекса, а через Черномырдина, сменившего экспериментировавшего с применением шоковой терапии Гайдара, привлёкло в сферу своего влияния часть руководителей крупных предприятий, удержав при этом значительную группу гуманитариев и специалистов (поддерживающую его за неимением лучшего: другого защитника профессиональной свободы, свободы печати, свободы рыночного предпринимательства в средствах массовой информации, кроме государства-президента, так и не нашлось). Шоковая терапия в экономике закончилась в конце 1992 года тактическим отступлением: конфронтация двух государств сменилась попытками согласования при помощи заинтересованных в нем элитных групп. Последовал период широко понимаемого «центризма», поиска компромисса (сюда относятся выборы Черномырдина, вынужденный уход многих радикальных ельцинистов, например, Полтаранина и Бурбулиса, переговоры с Гражданским союзом Вольского и т. д.), потом, когда эти попытки потерпели крах (а может быть, просто-напросто потеряли смысл с точки зрения «более сильного» государства), а впереди всё отчётливее замаячала опасность распада центральной власти, регионализации, хаоса, раскола армии, а значит, и гражданской войны, государство-президент, чувствуя за собой укрепившиеся позиции в экономике и армии и заручившись поддержкой Запада, решилось на решающий удар. На место шоковой терапии в экономике в конце 1993 года пришла шоковая терапия в политике. С разгромом второго государства пришёл конец «двоевластию», «двоегосударствию» в России.

Обычно в русской истории за распадом «единого государства» следуют интеррегнумы, смуты, когда образуется «двоевластие», одновременное существование двух государств, при котором отсутствие сильной центральной власти создаёт впечатление хаоса, безвластия (для русского сознания уже сам принцип разделения власти, разграничение ветвей власти означает политический распад страны, хаос и упадок). Несущественно, кто при этом сталкивается, *цари с лжецарями, Временное правительство с Советами, центральная власть*

с местными или государство-парламент с государством-президентом (законодательная власть с исполнительной). Важен исход этой борьбы, этих схваток: рождение нового государства. Заявление Ельцина о том, что «период безвластия в России кончился» означает то, что завершился вот уже восемь лет продолжающийся процесс рождения нового государства (это то, что мы уже упоминали как государственную революцию, поскольку она направлена на свержение старого государства, а от общества требует лишь терпения, пассивного отношения и, в дальнейшем, признания). Как ранее, в 1990—1991 годах из советско-имперского партийного государства выползло на свет централизованное советское государство-президент Горбачева (советский президент + советский парламент), так впоследствии, во время августовского дворцового переворота из треснувшего чрева государства-президента показалась Российская федерация, новое государство-парламент (русский советский парламент + русский президент), и так же теперь в кровавых событиях «октябрьского мятежа», вырвалось из тела матери, из тела государства-парламента, государство-президент Ельцина. И как в своё время имперское советское партийное государство не смогло примириться с горбачёвским государством-президентом и погубило себя в войне, которую оно само развязало, так и Горбачёв пал в результате столкновения советского государства-президента с русским государством-парламентом и его президентом в декабре 1991-го, и так же потерпело поражение русское государство-парламент от ельцинского государства-президента, которого оно же само — желая того, или не желая — когда-то породило. Даже это схематическое изображение процесса даёт понять, что то, что произошло в России, — это ещё не смена модели, а всего лишь смена государства. «Дух» русской государственности, покинув мертвое тело советского государства, словно «блуждающая душа» искал себе новое, окончательное, омоложенное тело-государство, в процессе этих поисков, переселяясь из одного государства в другое. На каждом отрезке процесса рождалось новое государство, но не новый общественный порядок, не новая цивилизационная мо-

дель и т. д.. А та инициатива, та активность, динамизм, предпринимательская жилка, которые характеризовали отдельные группы русского общества: техническую интеллигенцию, амбициозных политиков, мелких предпринимателей, промышленную номенклатуру, преступный мир, — могли реализоваться, лишь *слившись с государством, став им*. Не с гражданским обществом, и не с партиями, а с государством! Для того, чтобы в России реализовать какой-то замысел (заметим, что этот замысел может быть самым безумным!), не нужно убеждать в этом общество, нужно завоевать государство. А тот, кто завоевал государство, получит и общество.

6

И вот из глубины государства-матрёшки появилось на свет *самое маленькое русское государство, думское государство* президента Ельцина, которое хоть и маленькое, но, судя по всему, самое удаленное и жизнеспособное. Сила его в том, что оно последнее, в нем нет следующей матрёшки, нет ещё одного «единого государства», готового к прыжку, тело государства больше не будет делиться, оно может лишь сжиматься или растягиваться. Новорожденное государство уже продемонстрировало свою богатырскую силу осенью этого года на реинтеграционном процессе. Как будто распад советских государственных рамок понадобился только для того, чтобы, Россия, освобившись от тяжелой ноши, смогла сохранить своё территориальное единство и создать те новые правовые, экономические и военные рамки, в которых смогут существовать все, за исключением государства Балтии, бывшие советские республики (сегодня уже, конечно, «демократии», парламентарные диктатуры государства-президента, авторитарные республики, «монархии», и т. д., на любой вкус). И, конечно, не только из «благодарности за верность» и из желания наградить армию первое же после «октябрьской победы» заседание кабинета министров поставило единственным пунктом своей повестки дня «Военную доктрину России», изложенную ми-

нистром Грачёвым. Доктрина была тут же принята и быстро обнародована, в то время как раньше её обсуждение откладывалось в течение года. Новшество военной доктрины состояло не только в том, что она *есть* (раньше такого в России и не разрабатывали, и не обнародывали), а в том, что она продемонстрировала мощь нового государства: после восьми лет нерешительности, колебаний, отступлений от принятых решений и бездействия Россия наконец ясно обозначила границы, до которых она пойдёт — и до которых она действительно может пойти — в защите своих интересов. Новое русское государство *первым делом* оповестило мир: период «безвластия» и в этом отношении тоже кончился. Россия больше не будет уступать, но при этом отказывается от экспансии. Но она намерена в полной мере, в экономическом и военном отношении, присутствовать в восточно-европейском регионе и надеется, что это примут к сведению во всём мире. Таким образом, мощь нового государства находит своё отражение и в том признании и помощи, которую оно заслуживает и получает от ведущих западных стран. Ведь Россия будет способна на роль регионального «блюстителя порядка» лишь в том случае, если она сама будет стабильной, и только стабильная центральная власть сможет иметь и держать под контролем ядерное наступательное вооружение этой огромной страны, что является элементарным условием безопасности не только самой России, но и Запада, и всего мира. (Этим объясняются те жесты Запада — от сложностей со вступлением в НАТО до участия российских военных в силах ООН и совместной российско-американской космической программы —, которыми они как бы пробуют подбодрить лишившуюся былой уверенности в себе, униженную и подавленную российскую армию, а вместе с ней и всё русское общество.)

И наконец, сила нового государства проявилась в том (точнее, оно *хотело* проявить её в том), что «выносит» демократию, и не просто выносит, а «ставит её своей целью», «создаёт», *безотлагательно, здесь и сейчас*. Если нужно, мечом и огнём учреждает парламентскую демократию, если нужно, растоптав право, учреждает конституционное правовое госу-

дарство. Помимо *харизмы* президента и легальной монополии на применение силы, то есть силы армин, *это* и является его третьей, наименее существенной легитимационной опорой. Дума призвана служить не только для *репрезентации демократического лица* самого маленького русского государства. На той воображаемой площадке политических игр, которую она создаёт, где воображаемые партии движутся, сталкиваются, заключают друг с другом воображаемые компромиссы или вступают в воображаемые схватки не на жизнь, а на смерть, *реальные* противоречия, раздражающие экономику и общество, становятся более укротимыми для государства, менее неприступными. Региональные интересы (*на первый взгляд* совпадающие интересы групп местной номенклатуры, мафии, предпринимателей и местного общества в оппозиции к центральной, распределяющей-отбирающей государственной власти) не могут пойти по пути *огосударствления*, не могут вырвать для себя кусок государства из России, чтобы стать наперекор центру самостоятельным государством (как это случилось не так давно в бывшей вотчине Ельцина, на Урале), они могут заявить о себе на *представительском уровне*, как непосредственно, в Верхней Палате будущего парламента (между прочим, через 88 автономий и выборным путём), так и опосредственно, то есть через партии, что, однако, будет означать представительство одних и тех же местных интересов разными партиями. Тем, что центр *толкает* местные интересы на путь парламентаризма, участия в партийных играх, на путь выборов и представительства, причём при такой парламентской системе, которая и по конституции находится под каблуком у государства, оно само кладёт начало «огосударствления» местных интересов, их конфонстрации с центральной властью, при этом ещё и раздавая всем местным элитным политическим группам по ломтю из каравая государственной власти. И в то же время этим оно прокладывает политический канал для социального недовольства, на основе которого последние полтора года пыталась политизировать коммунистическая и националистическая оппозиция, пытавшаяся запрячь это недовольство в

телегу альтернативного государства, но безуспешно. Как бы там ни было, раньше, пока существовало русское парламент-государство, эта «оппозиция» обладала не одной или несколькими партиями, не парламентским представительством, а всей властью в одном из государств, что, правда, долгое время осуществлялось в рамках конституционной борьбы. Теперь она лишена возможности огосударствления: она должна стать одной или несколькими парламентскими партиями или же уйти в подполье, и в том, и в другом случае отказавшись от создания своего государства. Уже одно то, что она вынуждена стать *партией* (пусть даже находящейся в оппозиции ко всему существующему государству) и вынуждена отстаивать свои позиции в парламентской борьбе, убийственно для «оппозиции», привыкшей рассуждать в категориях «государство и массы», и строившей свою политическую стратегию как раз в расчете на то общество, которое и по сей день воспринимает идею многопартийности, раскол на части как признак слабости власти и для которого партии — это нечто подозрительное и далекое от жизни. Новому государству больше на угрожает опасность создания парламентского контргосударства. Во-первых, потому что большинство партий — это творение самого государства. Ельцин свистнул им, и они выскочили из кустов государства, где раньше прятались, и в Думе эти новопечённые партии будут в большинстве: партия Гайдара, партия Шахрая, партия Собчака-Попова и т. д.. Эти партии покрывают в интересах государства и с его помощью всю реальную раздробленность общества, и их, этих партий, будет столько, сколько потребуется государству для такого прикрытия и для того, чтобы иметь большинство в парламенте. Тогда оно сможет насаждать на русской почве капитализм и прививать демократию. Более того, в отличие от хасбулатовского государства-парламента, Дума в любой момент и в соответствии с конституцией может быть распущена президентом, если «рынок» и «демократия» (читай: высшие интересы сохранения единства и стабильности нового государства) того требуют. Парламент государства едва ли станет препятствовать осуществлению новой — на этот раз капиталистиче-

ской — программы государственной модернизации, а если вдруг станет, может быть в любой момент распущен. Над ним будет стоять президент, Ельцин, со своей харизмой и армией (условием существования последней и её жизненным интересом является сильный, единый центр), а под ним — темная, таинственно колышущаяся стихия — русское общество, которое в своём большинстве (по данным опроса населения, проведенного пару месяцев назад) и сегодня является сторонником «власти, сосредоточенной в одних руках», а не «разграничения ветвей власти», о котором оно знает только то, что ей привелось испытать на собственном опыте за последние полтора года: раздвоение государства, его ослабление ведут к хаосу и к упадку. После «кровавого октября», в преддверии парламентских выборов 85% москвичей не только решительно поддержало введенное Ельциным чрезвычайное положение, но и потребовало его продления и расширения, а выселение из Москвы в октябре этого года так называемых «лиц кавказской национальности» было воспринято им как самый лучший подарок, которым президент может порадовать свой народ. Все свои надежды общество по-прежнему возлагает не на партии, не на конституционность, соблюдение демократических правил игры, не на формальные законы, а на вездесущее государство и на лицо, его олицетворяющее. Но и некоторые интеллигентские группы, советники президента (включая его политическое окружение и некоторых членов его администрации) разделяют эти «народные предрассудки». В новой ситуации, сложившейся после октябрьских событий, они требовали от президента принятия, на основе какой-то революционной легитимации, *прямых, безотлагательных административных мер*. Ельцин испытывает на себе не только давление снизу, но нажим сверху: вместо того, чтобы миндальничать с «оппозицией» и играть с ними в законность да парламентарность, надо приостановить действие хлопотной, отнимающей массу времени «конституционной законности», только связывающей руки государственной власти, и ввести что-то вроде президентской диктатуры, которая впоследствии будет оправдана не «способом ведения» политической

игры (демократия, диктатура и т. п.), а её *эффективностью и целью*. Однако «элитные группы», решившие судьбу государственной войны и ставшие господствующими в новом российском государстве, с полным на то основанием удерживают Ельцина от подобного *популярного* шага, который, возможно, больше бы соответствовал его популистской политической натуре, чем роль президента, требующая от него большой политической мудрости и выдержки «хорошего правителя», возвышающегося над борьбой частных интересов, соблюдающего равновесие. Демократия, точнее, политический образ демократии, нужен новому государству для того, чтобы можно было оправдать кровь и пот, пролитые при её появлении на свет и для того, чтобы произвести *благоприятное впечатление* на внешний мир, прежде всего, на Запад, чтобы *дополнить* новым легитимационным принципом традиционную русскую легитимацию сверхвласти государства. Именно создание двухпалатного парламента позволит отделить президентскую власть, сохранить её авторитет, именно таким образом можно избежать того, чтобы президент стал представлять интересы той или иной партии, что было бы равносильно смерти его харизмы. (Неудивительно, что Ельцин всё время своего президенства, и даже до этого, обходил партии: он не основал своей партии и не встал во главе ни одной из уже существующих. Ведь этим бы он поставил под вопрос свою роль «третейского судьи», своё положение «выше и вне» дерущихся между собой частных интересов и не смог бы тогда стать символом единственного и единого государства.) Вот почему на другой же день после победы Ельцин одёргивает своих чересчур пылких, нетерпеливых сторонников, у которых закружилась голова от успехов и которые после расстрела Белого дома, после роспуска советов, окрыленные успехом политики «твёрдой руки», подталкивали президента перейти к политике «кулака и дубинки». Ельцинское обращение к нетерпеливым и радикальным ельцинистам, *одёргивающее их и призывающее к терпению и порядку*, было публичным, его показало телевидение. Но именно этим президент смог продемонстрировать то, что он стоит, *над* правитель-

ственными, партийно-политическими партиями, что он является стрелкой весов, что он сдерживает одновременно и нетерпение народа, и жажду мести и гнев политиков-интеллигентов, хотя он, со своей стороны, очень хорошо понимает это нетерпение. И действительно, на сегодняшний день Ельцин является единственным гарантом если не самой демократии, то вызывающего симпатию на Востоке и на Западе образа демократии, гарантом государственной модернизации, в случае успеха способной подготовить почву для смены моделей в Восточной Европе и смены цивилизаций в России: Ельцин как институт президентства, как народно-харизматический герой, как символ единства и единственности государства и как всенародно избранный, обладающий правовой легитимацией политик. В этом кроется причина того, что Ельцин, хотел он того или нет, нарушил данное им слово и отменил обещанные на июнь 1994 года президентские выборы. (Заметим, досрочные, вызванные роспуском парламента выборы.) Не вызывает сомнений, что причиной тому было не личное властолюбие Ельцина, страх выпустить из своих рук власть, а то, что он, государство, которое он опитцворяет — с парламентом и без него — является легитимационной и властной точкой опоры нового государства. А значит, если он уйдёт со сцены, это приведёт к легитимационному кризису, пусть даже президентский пост будет сохранён и его надо будет только заполнить путём, предписываемым законом, а Дума будет избрана и окажется жизнеспособной. С уходом Ельцина образовался бы такой властный вакуум, который поглотил бы всё российское государство, с президентом и Думой. Иллюзией, конечно, является идея Ельцина (или обычным идеологическим оправданием за нарушенное слово) к концу своего президентского цикла «воспитать своего преемника (можно подумать что осталось только подождать, пока подрастёт новый царевич!) и популярное в среде «демократов» мнение, что Ельцин должен оставаться на своём посту до тех пор, пока положение в новом государстве не стабилизируется. В действительности же избежать вечной русской проблемы с наследованием власти, вакуума власти, интеррегнумов,

смут можно будет лишь в том случае, если демократия из политического плаката превратится в общественную действительность, то есть произойдёт столь часто упоминающаяся смена моделей и цивилизаций, а государство перестанет быть мотором, инструментом, общими рамками и смыслом «догоняющей и перегоняющей» модернизации. А то, что это произойдёт не в оставшиеся полтора года президентского цикла, можно сказать с полной уверенностью.

Примечания

Данная статья представляет собой сокращенный вариант одной из глав готовящейся мной монографии «Преобразования Советского Союза». Отдельные главы этой книги уже были изданы за последние годы: «Русский Веймар» на венгерском языке в трёх частях, в журнале «2000», 1990, №№ 2,3,4: «Советские республики без совета», на венг. языке, в журнале «2000», 1991, №№ 4,5,6: «В поисках нового класса. (Этюд о бандократии)», на венг. языке в журнале «Таршадалми сэмле», 1991, №8: «Украденный путч», на венг. языке: «Совет фюзетек» №3, на русск. языке: «Венгерский меридиан», 1992 №4: «Конец Советского Союза?» на венг. языке в «Совет фюзетек» №3, а также в журнале «Критика», 1991, №№11,12 «Великий московский словесный путч», на венг. языке в журнале «фильмвилаг», 1991, №12: «Видео-Миша и теле-Борис» на русск. языке: в «Искусство кино», 1993, №4, «Видео-Миша и теле-Борис» на венг. языке: в «фильмвилаг», 1992, №1: «Революционеры конца» на венг. языке в «фильмвилаг», 1992, №3.

1. Из речи Бориса Ельцина на заседание кабинета министров 2 ноября 1993 года
2. «Под сень надёжную закона» (Из открытого письма Владимира Максимова, Андрея Синявского, Петра Абовина-Егидеса, «Независимая газета», 1993, окт. 16)
3. Предвыборный лозунг Сергея Шахрая, правой (или левой) руки Ельцина, основателя партии «Российское Единство и Согласие» (называемой иногда и «партией регионов», партией «периферии»), который отражает консервативные установки партии и имеет не-

кий энгельсовский привкус. Этот лозунг прозвучал в телевизионной программе «Политбюро» от 5 ноября 1993 г.

4. «Как вы оцениваете события 3—4 октября в Москве», интервью в «Русской мысли», 1993 №3999, стр. 12
5. Василий Селюнин, цит. пр., стр. 13
6. Юрий Карякин, там же.

Пиночет — в России?

Кровавые московские события в октябре 1993 г., а также ускоренные ими политические перемены и институциональные реформы, как бы мы их ни оценивали, перевели развитие российской экономики в новую систему координат. Соотношение сил в новом законодательном органе, выборы в который пройдут в декабре 1993 г., и устремления законодателей вряд ли будут походить на систему ценностей и соотношения интересов, сложившиеся на Съезде народных депутатов и в Верховном Совете. Таким образом, как стабилизация российской экономики, так и перестройка экономической системы, принципы которых были сформулированы в речи Ельцина в октябре 1991 г. и во время деятельности первого правительства Гайдара, будут продолжаться уже в совершенно иных условиях.

Если западные наблюдатели и проправительственные российские средства массовой информации представляют переворот, происшедший осенью-зимой 1993 г., как победу демократии и демократов, то в России незамедлительно зазвучали мнения (Яхлакова, Т., 1993; Третьяков, В. 1993), особо указавшие на авторитарные моменты, наличие которых можно обнаружить как в содержании, так и в форме деятельности победителей. Хотя роль президентского аппарата с самого начала (с сентября 1991 г.) была определяющей (Васильев, С., 1993), позже ее значение, поначалу не слишком бросавшееся в глаза, несомненно возросло, более того, произошла ее ритуализация. Наряду с укоренением управления путем указов, об этом свидетельствовал и тот факт, что еще до октябрьского переворота 1993 г. те или иные министры, доказавшие свою непригодность, например, Малей, Лобов или Полторанин, явно не чувствовали свое перемещение в аппарат президента от

странением от власти. Напротив: именно это перемещение, как показывает ряд примеров от Гайдара до Шахрая, послужило наилучшей базой для позднейшего возвращения.

«Малая октябрьская революция» еще раз разоблечила печальное состояние органов внутренней безопасности и институционализировала постоянную роль военной элиты и вооруженных сил как опоры государства и «третьего судьи». Наконец, но не в последнюю очередь, этот переворот дал возможность отказаться от социалистических достижений, институционально закрепленных брежневской конституцией и новациями Горбачева. С одной стороны, это означало роспуск превратившихся в тормозящую силу советов, но еще более важным является аннулирование тех уступок, которые ранее сделал сам Ельцин. Двумя главными элементами второго процесса стали намерение президента остаться в должности до истечения срока президентского мандата, до 1996 г., и ликвидация Совета Федерации, созданного из «субъектов» Российской Федерации, которая к тому же совпала с удалением из текста конституции, вынесенного на референдум, ссылок на самостоятельность республик и иных субъектов государственности, хотя это и вызвало многочисленные протесты. С чисто экономической точки зрения все эти перемены можно считать позитивными, если с их помощью удастся ликвидировать альфу и омегу неудач прошлых лет: хаос, отсутствие сильной центральной власти. Воспользовавшись появлением *«сильной руки»*, опираясь на необычную свободу необычного периода, реформистское крыло в правительстве снова предложило осуществить радикальные преобразования в области законодательства, системы институтов и экономики (Бергер, 1993; Карюхн, 1993), так, например, в области приватизации, земельной реформы, относительно уголовного и гражданского кодекса, а также в сфере правительственных расходов и налогов. В последней сфере возможности правительства особенно возросли, поскольку теперь уже не нужно считаться с соображениями законодателей-популистов, пренебрегавших требованиями сбалансированности государственного бюджета.

Хотя в работах большинства российских наблюдателей (и советологов) наблюдается противопоставление логики стремления к экономической децентрализации и логики концентрации власти, на основе сравнения путей развития в зарубежных странах, быть может, было бы интереснее сформулировать другой вопрос. А именно: не пришло ли ныне время применения в России «чилийской модели», ведь, как это было видно и раньше (Csaba, 1988), в этой стране создание рыночной экономики возможно лишь при наличии сильной центральной власти, хотя это и не самое вероятное направление модернизации.

Политика реформ в период двоевластия

Ситуация в период с октября 1991 по октябрь 1993 г. решающим образом определялась несоответствием между экономическими устремлениями и политическим устройством. Как видно из цитированной работы Васильева, возглавляющего правительственный институт реформ, в октябре 1991 г. по не совсем ясным причинам и при не совсем ясных обстоятельствах президент отказался от популистской экономической политики, которую он представлял в предыдущие полтора года и которая, между прочим, в значительной степени была источником его популярности в ставнении с Рыжковым и Павловым, известными сторонниками ограничений. Став обладателем реальной власти, он дал полномочия по «наведению порядка» в экономике лицам, чьи взгляды и целевая модель коренным образом отличались от взглядов того большинства — в парламенте и в обществе —, представители которого, оставаясь верными советской традиции, считали экономическую политику второстепенным плацдармом социальной политики. Гайдар и его сподвижники принесли с собой круг идей, характерных для представителей стабилизационных теорий, составляющих одно из направлений в международной экономической науке, и смены режима, уже начавшейся в странах Центральной и Восточной Европы. Что бы мы об этом ни думали, с точки зрения данного анализа суть заклю-

чается в том, что воззрения и устремления реформаторов нельзя было примирить со взглядами подавляющего большинства законодателей и, конечно, со знаниями и амбицией государственного аппарата, оставленного в наследство империей. Единственной политической опорой группы реформаторов было доверие президента, на пределы которого указывал и эпитет «исполняющий обязанности», приклеенный к первоначально невысокому рангу Гайдара. Он был одним из многих руководителей страны, в то время как в законодательном органе, в президентском аппарате и в банковской сфере чувствовалось присутствие еще множества влиятельных лиц.

Коренное несоответствие экономических и политических отношений проявилось уже в декабре 1991 г., когда на III Съезде народных депутатов был принят целый ряд увеличивавших расходы мер, которые уводили процессы в совершенно другом направлении по сравнению со стабилизационной программой, составленной на различных правительственных дачах за несколько недель авральной работы. Эта программа, конечно, была необходима, ведь нужно было прийти к соглашению с кредиторами, договориться о продовольственной помощи и, не в последнюю очередь, добиться приема в МВФ. Однако эти внешние соображения едва ли могли оказать определяющее влияние на процессы, протекавшие в российской экономике.

Лишь в течение одного месяца, в январе 1992 г., эмиссия денег и кредитов по объему отставала от выраженного в текущих ценах валового отечественного продукта (GDP). С этого момента руководивший тогда банком Матюхин попал под перекрестный огонь критики, обвинявшей его в том, что он односторонне поддерживает «монетаристов» из правительства и пренебрегает указами официального начальства, руководства Верховного Совета, которое предписывало ему предоставлять льготные кредиты различным предприятиям, регионам и отраслям. Поскольку тот же Верховный Совет не согласился на выпуск крупных денежных знаков, не приходится удивляться, что ускорившаяся инфляция за несколько недель привела к недостатку наличных денег, а позже к возмущению населения. Последнее, конечно, было направлено не против

законодателей, защищавших интересы народа, а против прижимистого банкира и недалеких монетаристов.

В апреле на IV Съезде народных депутатов началось уже фронтальное наступление на экономическую политику, и крупная победа президента состояла в том, что Гайдара не сняли, ограничившись отставкой Матюхина. По прошествии еще двух месяцев в результате назначения трех представителей крупнопромышленного лобби: Хижи, Черномырдина и Шумейко, тогда еще казавшегося искренним сторонником Хасбулатова, а также под влиянием реактивации бывшего руководителя банка, Геращенко, извлеченного из-под спуда, сложилась новая ситуация. В сфере экономики возник новый, узкий кабинет, состоящий из «практиков», которые не обращали особого внимания на «теоретизирующую молодежь» и по собственному усмотрению и опыту продолжали финансировать воспроизводство старых промышленных и сельскохозяйственных структур. Последние, особенно колхозы, получили действенную поддержку и у вице-президента Руцкого. Так, к августу 1992 г. от стабилизации остался лишь сборник документов, закрепивший на бумаге ее цели: для преодоления затруднений сельского хозяйства, военной промышленности и не расплачивающихся друг с другом предприятий была осуществлена многомиллиардная эмиссия, а позиции рубля были немедленно и закономерно разрушены.

Крайне соблазнительно, следуя правилам сценической драматургии, охарактеризовать год, прошедший с сентября 1992 г., как год почти полного торжества зла. Реальная ситуация была все же несколько сложнее. В то время как убежденные сторонники реформ, Гайдар, Чубайс или Козырев, позиционно отступили и стали мишенью частых нападок в парламенте и прессе, по *частным вопросам* им удалось добиться немалых успехов. Была сохранена внешняя политика, благодаря которой уже три года неплатежеспособная страна по-прежнему получает кредиты и помощь, позволяющую избежать голода. В сентябре 1992 г. Гайдар ликвидировал систему центральных ассигнований, и сохранилось в основном свободное ценообразование, причем в такое время, когда поддерживаемый вице-президентом «Гражданский союз» вместе с представите-

лями отраслей требовали полного восстановления центрального распределения ресурсов и фиксации цен. В июле 1992 г. началась массовая приватизация. Ее экономический смысл практически не виден (при применяемых методах), зато она несомненно приучила миллионы людей к мысли о перемене собственности. Народная лотерея продолжалась в течение месяцев, оказав максимально благоприятное психологическое влияние. В итоге «власть денег» оказалась относительно прочной, сменила товарный дефицит и обесценила учреждения. Ментальность «тащи, мужик, на всех хватит» отодвинула на задний план традиционное почтение к авторитетам и пассивность, вызвав перераспределение политических сил. Немаловажно и то, что руководство внешней торговли, несмотря на многие противоречия (Sutela, 1993), не вернулось к изоляционистским, монполистическим приемам прежних времен. Присутствие иностранцев и иностранных товаров стало обычным явлением, и влияние этого на население страны, в течение десятилетий изолированной от внешнего мира, вряд ли можно переоценить.

В декабре 1992 г. сняли Гайдара, и руль управления перешел к испытанному руководителю советской газовой промышленности, Черномырдину. Реальное значение этой перемены было меньше ожидаемого. Отчасти потому, что в России процессы (включая эрозию власти) характеризуются высокой степенью спонтанности, отчасти потому, что старый-новый министр финансов, Борис Федоров, оказался по сравнению с Гайдаром лучшим администратором и гораздо более эффективным политиком. Используя свое положение и интеллектуальное превосходство, он превратил министерство финансов в невиданный по масштабам центр власти. К тому же его начальник, по необходимости, действовал подобно вору, ставшему полицейским, ведь теперь ему приходилось отвечать за все государственное хозяйство в целом.

По экономическим вопросам российское правительство, помимо других внутренних противоречий, резко разделилось надвое. Представители одного направления, отраслевое лобби, Лобов, Сосковец и другие классические отраслевые руководители, включая руководителя внешнеторговой отрасли,

выступали за поддержание производства, протекционизм, отраслевые программы и за принятие по инициативе государства антикризисных мер. Одним из главных сторонников этого направления, несмотря на свой пост, был президент центрального банка. Другая часть кабинета, реформаторы, ссылаясь на быстрое ухудшение ситуации, отменяли все новые ограничения, сводя проекты своих отраслевых коллег до уровня сборников пожеланий. Этот «успех» был побочным продуктом глубокого экономического упадка: в 1992 г. при сокращении валового отечественного продукта (GDP) на 17% образовалась 2100-процентная инфляция. На 1993 год планировалось 400%, однако этот уровень был достигнут уже в первые четыре месяца, причем не удалось остановить сокращения производства. Последнее блестяще доказывает, что ошибаются те именитые наблюдатели, которые видят причину упадка в недостатке денег и ограничениях и надеются найти рецепт лечения в создании спроса. Спор в России был решен международным событием: предоставление кредитов, навязанных Клинтоном МВФ, оказалось под угрозой из-за того, что министерство финансов и банк даже на бумаге не смогли согласовать свои намерения. В результате, под политическим давлением извне и изнутри, в мае 1993 г. эти два учреждения условились о более строгих условиях кредитной эмиссии, о действительной унификации курса, о прекращении списывания долгов предприятий и предоставления особых отраслевых кредитов, а также о поднятии на реальный уровень процентов по кредиту. Хотя президент банка в тот же день назвал эту договоренность всего лишь «джентльменским соглашением», а позже с немалым злорадством подчеркивал ее бессмысленность (Геращенко, 1993), его мнение противоречит фактам. После заключения соглашения количество денег (как M_0 , так и M_2 , а также эмиссия денег) заметно сократилось («Коммерсант», 1993/41, с.2). В третьем квартале, решающем из-за нужд уборки урожая, эмиссия денег возросла в 1992 г. на 185%, а в 1993 г. лишь на 50%, вследствие чего инфляция составит меньше половины прошлогодней, в то время как снижаются и темпы упадка (Федоров, 1993). Таким образом, нечего удивляться, что вскоре после достижения соглашения

курс рубля стабилизировался на соотношении 1100 руб. = 1 доллар и даже после путча не превысил 1200 руб. за доллар.

Интереснейшим следствием двоевластия стало полное прекращение предварительного регулирования экономических и финансовых процессов в России, где ранее планировали на 15 лет вперед. Последний бюджет был одобрен на 1991 год еще Верховным Советом СССР, с тех пор по существу не удалось провести даже квартального бюджета. Характерно, что квартальный бюджет утверждался в конце квартала. Пикантность ситуации в том, что это относится и к правлению Гайдара. Таким образом, когда стабилизация якобы стала доминирующим требованием, ни у кого не было *заранее одобренного бюджета, зато задним числом все* могло быть утверждено (Кириченко, 1993). В таких условиях, конечно, не может быть и речи ни о фискальной, ни о монетарной строгости, что проявляется в стабилизации гиперинфляции. Стоит еще раз вспомнить: вплоть до штурма регулирования эмиссии денег входило в компетенцию Верховного Совета, а не правительства. Законодатели принимали отдельные решения о значительной части расходов и регулярно пересматривали важные мероприятия правительства, от закона о банкротстве до сокращения расходов. Например, в августе 1993 г., несмотря на настоятельные просьбы министра финансов, они одобрили дефицит, составлявший 34—38% валового отечественного продукта (GDP), что может служить вопиющим примером финансовой безответственности. Конечно, от людей, представляющих в Верховном Совете отрасли и регионы и по праву чувствующих отсутствие политических перспектив, вряд ли можно ждать экономически более рациональных действий.

Однако нельзя не заметить, что внутренние расхождения в правительстве сыграли в выходе финансовых процессов из-под контроля роль, похожую на роль Верховного Совета. В августе 1992 г. прежняя экономическая политика была сведена с рельсов Геращенко, Руцким и Грачевым, а в июле 1993 г., во время конфискации денежных знаков,* Геращенко и Черномырдиным,

* В российских правительственных кругах существовал обычай винить в гиперинфляции рубль, использовавшийся и в других странах СНГ, т. е. валютную зону. Для исключения этого фактора российский центральный банк заменил денежные знаки, отпечатанные до 1992 г. — они составляли четвертую часть всего контингента наличных денег. Из-за возвращавшихся рублей и растущей скорости оборота в августе 1993 г. инфляция достигла 30%, т. е. мера оказалась обратное действие. Здесь не говорилось о вопросе сбережений в рублях, но в этом отношении замена оказалась еще более вредное и прочное влияние.

то есть теми, кто принадлежал к узкому кругу лиц, принимавших решения. А это говорит о том, что выражение «двоевластие», по всей видимости, свидетельствует о недооценке реальных масштабов расхождений. Отсюда следует, что устранение Верховного Совета, превратившегося в анахронический замок с привидениями, означает ликвидацию лишь одного и, возможно, не самого важного противоречия, мешавшего реорганизации экономики. В то же время нет сомнений, что из игры выведена группа лиц, которые все без исключения препятствовали осуществлению экономических целей реформаторов.

После выборов — вперед, к свободной рыночной экономике?

Подобно августу 1991 г., в октябре 1993 г. также сложились своеобразно повышенные ожидания под лозунгом «теперь-то все пойдет по-другому», хотя, конечно, с различным эмоциональным содержанием. Обобщая уже цитированные во вступлении и схожие с ними взгляды, можно прийти к выводу, что по сути дела мы являемся свидетелями создания имплицитно однопартийной системы, ведь три крупнейшие партии набиты фаворитами президента, настоящая оппозиция исключена из действительной борьбы за власть, поэтому упущены возможности заключения социального компромисса.

Кажется, немалая часть российского руководства аналогично интерпретирует сложившуюся ситуацию. Вернувшийся Гайдар, укрепивший свои позиции и ставший самостоятельной силой благодаря своему памяtnому выступлению в дни бунта, считает желательным указное введение пакета из почти тридцати законов, которые перекроили бы всю экономическую политику и систему институтов в целом, в то время как на долю нового парламента выпала бы задача по переделке правовых кодексов. Упомянутые указы должны охватить все сферы приватизации, либерализации, гарантий собственности, аграрной реформы, социальной политики и внешней торговли. В своей цитированной статье министр финансов Федо-

ров при определении статистических и качественных аспектов экономической политики также исходит из возможности более твердого курса по отношению к регионам, странам СНГ и фирмам.

Для оценки положения имеет смысл разделить политические и экономические вопросы. Для понимания политических вопросов важно не забывать ради лозунга «посткоммунистического переходного периода» об особенностях и социальной динамике в данной стране. Помнится, одна из ошибок, допущенных венгерским политиком Имре Пожгаи в 1989 г., состояла в стремлении к «имплицитно однопартийной системе». Тогда он считал, что сможет безоговорочно обеспечить реализацию своих притязаний на должность (сильного) президента, если поставит лояльных по отношению к нему людей во главе оппозиционных партий, казавшихся абсолютными фаворитами будущих выборов. Как мы помним, этот замысел оказался одним из крупнейших промахов переходного периода. Отчасти потому, что выяснилась невозможность спланировать развитие всего процесса в целом, отчасти потому, что круг победителей на выборах и соотношение сил между ними отличались от предварительных прогнозов. Такой же «комедией ошибок» стала сходная «стратегия» Леха Валенсы осенью 1993 г. При таких результатах сама идея начинает вызывать сомнения.

Эти сомнения возрастают при попытке применить эту идею в условиях российской действительности. Российская история прошедших лет (даже в области экономики) уже и в ушедшую в прошлое эпоху однопартийной системы была историей не монолитности, а не располагавшего традициями, но доминировавшего плюрализма. Из-за размеров страны и сложности переплетения интересов российское правительство становится местом функционирования характерного для крупных государств механизма координации многообразных интересов. Выше мы уже отмечали существование конкурирующих стратегий, связанных отчасти с регионами, отчасти с идеологией, а отчасти с личными амбициями. Как мы знаем из истории венгерского переходного периода, вопрос «кто из

чьей шинели вышел» быстро теряет свое значение, когда встанет вопрос «куда», а главное — «в каком качестве» надлежит двигаться дальше. Поэтому уже в ходе избирательной кампании, а тем более после ее завершения станет несущественным, как в случае с Хасбулатовым или Руцким, принадлежал ли ранее данный политик к команде Ельцина или нет. В следующем действии существенными станут различные прогнозы на будущее и системы ценностей, выражаемые различными направлениями. Оценивая себя и ситуацию лишь по отношению к уже пройденной системе государственного социализма и небольшой группе людей, желающих вернуться к этой системе, можно прийти лишь к крайне шаблонным утверждениям. Поэтому как указание на новые различия, так и выявление продолжающих подспудную жизнь старых идей и устремлений/интересов имеют более важное значение, нежели вытеснение «непримиримых» оппозиционеров.

Формально против «однопартийности» свидетельствуют более 120-и разрешенных партий и движений, а также 13 партий и объединений, получивших право представить всероссийский список кандидатов и участвовать в выборах. В то же время значительные различия наблюдаются даже между движениями, которые могут считаться «придворными».

Едва ли нужно доказывать, что в длительной перспективе как с точки зрения государственного устройства России, так и с финансовой и конституционно-правовой точек зрения решающим будет вопрос о том, какая союзная система будет создана: централизованная, конфедеративная или смешанная. Думается, что в этом смысле реальные альтернативные решения предлагают Гайдар, решительно укрепляющий центральную роль Москвы, и Шахрай, выступающий под знаменем конфедеративного устройства и самостоятельности регионов. Эта альтернатива в определенном смысле более существенна, чем идеологические расхождения, подчеркиваемые разными движениями. Провозглашение Уральской Республики на родине Ельцина (которое он поспешил объявить недействительным) — всего лишь вершина айсберга. Неопределенное отношение большинства регионов к разрыву между президен-

том и Верховным Советом, помимо ошибочной оценки положения, может объясняться и наличием у них особых, важных интересов. Это — симптом, который нельзя оставить без внимания, ведь Совет Федерации будет как раз местом проявления этих интересов, господствовавших еще в прежнем законодательном органе (Вольский, 1993). Согласно эмпирическому исследованию, проведенному ИМЕМО, до роспуска Верховного Совета 60% решений, принятых в области экономики, практически и формально зависели от областных центров (Емельяненко, 1993), что, как раз исходя из советского опыта, вряд ли можно существенно изменить назначением комиссаров.

Региональные и отчасти идеологические и политические отличия от программы Гайдара и его соратников воплощает реформенное движение во главе с Собчаком. С различными сегментами старых структур связаны Вольский, представляющий интересы приходящих в упадок отраслей экономики а также Болдырев и Явлинский, выражающие интересы товарных биржевиков, отлично умеющих ловить рыбу в мутной воде. Отчасти на ту же публику рассчитывают находящиеся на двух краях политической палитры коммунистическая партия Зюганова и «либерально-демократическая», расистская партия Жириновского, в то время как Аграрная партия и Демократическая партия могут опираться на резервы традиционного популизма. В целом партийную структуру в России в еще меньшей степени можно назвать сложившейся, чем венгерскую, польскую или чешскую партийные структуры времен первых свободных выборов. Несмотря на это эпоха неразберихи, исключаяющей выражение различных интересов и воззрений, безвозвратно отошла в прошлое.

С экономической точки зрения необходимо особо подчеркнуть, что, по предварительным оценкам, движения, поддерживающие реальные рыночные реформы, сообщают могут рассчитывать на половину всех голосов. Как и на референдуме в апреле 1993 г., это — большинство, но не решающее, что указывает на ныне еще мало заметные социальные органичения власти и одновременно на тот предел, за который не сможет

выйти самая радикальная реформенная политика. Таким образом, можно рассчитывать на то, что в новом парламенте идея рыночной экономики столкнется с серьезной региональной и социальной оппозицией, разогнать которую будет уже невозможно.

Из сказанного следует, что мир законов по-прежнему будет находиться достаточно далеко от фактов, и при этом мы еще не сказали ни слова о таких мощных социальных движениях, уже долгие годы влияющих на российскую политику, как забастовочный комитет шахтеров или возродившиеся национальные движения, мафия и связанные с ней множеством нитей местные власти.

В целом новая российская политическая карта, которая возникнет после декабрьских выборов 1993 г., несмотря на сильную президентскую власть, будет не слишком напоминать чилийскую. Формально необыкновенно сильному, почти все-сильному президенту придется заключить тяжелые компромиссы с широким кругом оппозиционеров по существенным вопросам экономической политики и облика экономической системы. Если эти компромиссы поведут не в сторону постоянно рекламируемой модели рыночного хозяйства, то можно критиковать способ их заключения или их социально-экономическое содержание (Malle, 1993), однако сам факт их заключения не может вызвать удивления. Ведь подобные компромиссы до сих пор были и в дальнейшем будут необходимы для того, чтобы можно было избежать самого худшего — полного разрушения, распада крупнейшей военной державы, «империи» Европы. Заинтересованность Америки в поддержании российского государства и выполнении последним функции обеспечения порядка в регионе, при сохранении козырьевского курса внешней политики, может считаться стабильной, что выражается в оказании материальной и политической помощи России.

Но рассмотрим другую сторону пиночетовской аналогии, либеральную экономическую политику. Как известно (на венгерском языке см. недавнюю работу: Borbély, 1993), Чили за последние два десятилетия превратилась в страну с необычай-

но быстрыми темпами эконимического роста, где в 90-е гг. рост валового отечественного продукта (GDP) на 6—7% в год можно считать нормальным. В стране была ликвидирована прежняя односторонняя монокультура, а доля бедняков, ранее составлявшая три четверти всего населения, за два десятилетия сократилась до 1/4 населения, несмотря на быстрое увеличение числа жителей страны. Преобразования опирались на перестройку системы институтов: здесь была введена система пенсионного обеспечения и социального стархования, хорошо функционирующая по рыночным принципам и применимая в условиях Восточной Европы (Hanke, 1991). Посмотрим, в какой степени следует этой модели экономическая политика команды Ельцина, освободившейся от противодействия Верховного Совета и коммунистических противников.

Согласно цитированным выше программным декларациям двух ключевых членов правительства, долю бюджетного дефицита, соотнесенного с валовым отечественным продуктом (GDP), планируется сократить в 1993 г. до 15—16%, а в 1994 г. до 8—10% GDP. Эта последняя цифра сопоставима с вызывающим необыкновенное беспокойство венгерским показателем 1993 года или с итальянским показателем, вынудившим правительство Амато ввести резкие ограничения. Федоров, несомненно рассчитывающий на психологическое воздействие своих заявлений, ожидает в первой половине 1994 г. снижение инфляции до 10% в месяц: это более чем в пять раз выше ожидаемого в 1993 г. в Венгрии показателя инфляции. Если, как это планировалось, к отряду реформаторов присоединится и центральный банк, то в 1994 г. можно будет рассчитывать на удар по инфляции и на возвращение сложившегося в 1991 г. при господине Павлове трехзначного повышения цен; если этого удастся добиться, то к 1995 г. инфляция сократится до польских размеров. В целом это не слишком жесткая бюджетная и монетарная политика, хотя она и будет сопровождаться резким перераспределением доходов внутри страны.

Стоит заметить, что упомянутый выше прогноз необычайно оптимистичен и предполагает установление почти без-

условного приоритета стабилизационных проектов. Между тем предполагать это было бы большой самоуверенностью, ведь партия Российского единства (партия Шахрая), которую поддерживает премьер-министр и многие другие руководители, сформулировала совершенно иные экономические приоритеты (Бартышин, 1993). Она отвергает «одностороннюю» стабилизацию, настаивает на активной промышленной политике, необходимой для развития регионов, на примирении с монополистическими промышленными организациями, и открыто требует ведения протекционистской торговой политики. Поскольку это направление представлено в российском правительстве не только на политическом уровне, оно наверняка сыграет свою роль в развитии событий, даже если и не будет заключено коалиционное соглашение. И лишь для полноты картины стоит отметить, что Гражданский союз, Демократическая и Аграрная партии, а также сторонники Жириновского и коммунисты едва ли будут представлять в новом парламенте финансовый догматизм.

Положение правительства усложняется и из-за запутанной системы налогов и льгот. (Фонд Реформа, 1993). Правда финансовое руководство провозгласило борьбу с путаницей как в области сокращения расходов, так и в области неплатежей, а также кредитных и процентных льгот. Однако трудность «лишь» в том, что, с одной стороны, подобные льготы как правило связаны с маршрутами поездок по стране президента или премьер-министра, а с другой стороны, они объясняются своеобразным положением таких «субъектов», как Башкортостан, Татарстан и Якутия, где без тотального централизма едва ли можно будет добиться перелома.

Другим главным средством наведения финансового порядка мог бы стать, конечно, риск банкротства. С мая 1992 г. существует закон о банкротстве, однако банкротств нет, поскольку их боятся все заинтересованные лица. Нечего удивляться тому, что платежная несостоятельность в отношениях между предприятиями размером в 2,2 триллиона рублей, урегулированная в августе 1992 г., была воспроизведена через год в объеме 11—12 триллионов рублей. Мнения прави-

тельствующих органов относительно причин и способов исправления сложившейся ситуации разделились (Исмаилова, 1993): в то время как отраслевое лобби и банк говорят о нехватке денег, представители министерства финансов настаивают на превращении задолжности в обязательные векселя и взыскании долга по истечении их срока, то есть на введении своего рода принудительного банкротства. Последнее, правда, уже введено президентским указом, но его реализация все же сомнительна. Хотя такая мера была бы разумной и повысила бы платежную дисциплину предприятий, два момента неизбежно наводят на размышление. С одной стороны, центральный банк имеет возможность выразить свое противодействие в рамках своей компетенции посредством предоставления кредитов, отсрочки долгов и других финансовых льгот. Как показывает пример Польши, размягченная монетарная и кредитная политика может подорвать даже усилия необыкновенно последовательной бюджетной политики. Эта опасность, естественно, возрастает, если бюджетная политика, по упомянутым выше причинам, не может быть последовательной. С другой стороны, грозит и другая опасность: российские торговые банки просто не примут собственнических полномочий, означающих «ничью собственность» и касающихся никуда не годных основных средств (Гуревич, 1993). В ответ представители министерства финансов с полным правом утверждают, что если хотя бы в каждом пятом случае произойдет децентрализованная координация интересов, то эксперимент уже оправдает себя, это подтверждается и венгерским опытом.

Однако в целом нет оснований пугать общественное мнение шоковыми крахами и упразднением предприятий, как это по привычке делают Вольский, Геращенко и другие лоббисты. Настоящая опасность скорее состоит в том, что российские предприятия по-прежнему переживают, преодолеют все невзгоды, в результате чего жесткость структур и распределения, характерная и для отличающейся прочной и быстрой инфляцией экономики латиноамериканских стран, останется постоянной отличительной чертой российского экономического развития.

Говоря о трудностях банкротства государственных фирм, мы тем самым указали и на общие пределы нормальной приватизации. Дело в том, что в перестраивающейся системе экономики одним из естественных средств перемены собственников является частичная или полная передача обанкротившихся предприятий тем, кто лучше прежних владельцев сможет обеспечить доходность этих предприятий. Неизбежное в таких случаях «разбазаривание» — один из важнейших мотивов перехода собственности, именно оно подталкивает владельца денег к отказу от ликвидности своего имущества и вложению его в рискованное дело. Упомянутый процесс, естественно, усложняется, если государственные предприятия намереваются продавать, оговорив их производственный профиль и условия занятости. В России к этому надо добавить враждебную социальную атмосферу, произвол чиновников и беспомощность управленческих органов, а также наряду с правовой неупорядоченностью многих моментов, невозможность взыскания долгов и неоформленность судебной процедуры. Хотя один из главных советников российского правительства (Райзберг, 1993) говорит об этих факторах прежде всего применительно к иностранным вкладчикам, все это многократно относится и к вкладчикам внутри страны. Тот факт, что в экономику такого крупного государства инвестировано всего 200 млн. долларов, хорошо показывает: атмосфера, состояние экономики и всеобщая неуверенность не благоприятствуют ускорению инвестиций. Между тем, как заметил безымянный комментатор газеты *«Московские новости»* (93/44), купонная приватизация не принесет инвестиций, не даст их ни выкуп трудящимися и руководством, ни покупка с помощью купленных купонов, а если бы кто-то все же инвестировал, то налоги быстро поглотят все видимые доходы. Добавим, что предприятие, находящееся во владении государственного инвестиционного фонда, не может считаться частным предприятием, таким образом, российская приватизация сделала пока лишь небольшие шаги, и нет оснований рассчитывать на ускорение в будущем.

Не приведет ли все же к перелому ноябрьский президентский указ 1993 г., в полном объеме разрешающий частную собственность на землю? В этом отношении к осторожности призывает то, что выше мы видели среди главных препятствий распространения приватизации не идеологические, а экономические и политические факторы. С одной стороны, конечно, уничтожение многолетнего идеологического табу имеет важное значение, ведь без частной собственности на землю не может быть рыночной экономики. Землевладельцы понимают, что такое обременение земли или передача земли по наследству, и не обращают внимания на абстрактные аргументы. С другой стороны, критики указа (Лазоревский, 1993) еще до его появления обратили внимание на некоторые его — с тех пор доказанные на практике — недостатки: прежде всего на то, что указ не создает городского и областного рынка недвижимости, оставляет в неприкосновенности всемогущую аграрную бюрократию, не говоря уж о проблемах инфраструктуры частных хозяйств и их кредитообеспечении. С тех пор руководство многих городов подтвердило: недвижимость по-прежнему можно лишь арендовать... Короче говоря, нужно пройти еще долгий путь до закрепления частной собственности в качестве конституционного принципа и договорной свободы. Свобода торговли, не раз провозглашавшаяся на высоком уровне, произвольно, но систематично была отеснена на периферию с помощью исполнительных директив, постановлений в области санитарии, территориального благоустройства и т. д. (Горский—Слепов, 1993).

В качестве обобщения можно установить, что ни в области стабилизации, ни в области перестройки системы нет оснований ожидать крупного прорыва в направлении свободной рыночной экономики. Не нужно большого дара предвидения, чтобы предсказать ухудшение отношений между Россией и международными финансовыми организациями. Дело в том, что практические меры реформенного правительства, которое в России часто называют просто агентом Запада, уже на стадии «ухаживания», то есть в ходе консультаций по экономической политике, не вызвали у представителей МВФ ни вос-

торга, на даже понимания (Засурский, 1993/6). Представителей МВФ не без основания беспокоит называемая реформенной политикой импровизация правительства, его внутренние противоречия, в том числе устойчивое влияние отраслевого лобби, угроза аграрного министра подать в отставку, но больше всего их волнуют отдельные меры, явно разрушающие бюджетные рамки, в том числе аграрные дотации и дело развития северных регионов, сохранение излишнего бюрократического регулирования и изоляция министерства финансов. Добавим, что о действительно крупных реформах, например, о преобразовании налогообложения и социального страхования, о реформе бюджета и банковской системы, вообще стоит говорить лишь в десятилетней перспективе. В результате разрыв между намерениями и действительностью, возникший в России в поздний период перестройки, не сократится и в следующие годы.

Обобщим главные выводы. Конкретные факты переворота, произошедшего осенью-зимой 1993 г., многообразно подтверждают основную мысль упомянутого во вступлении прогноза, сделанного шесть лет назад: ни один из двух главных элементов политики Пиночета не принадлежит к числу факторов, определяющих российскую действительность. В то же время ошибочна и опасна ставшая уже шаблонной недооценка значения российских перемен, их смешение с лжереформами советской эпохи. Команда Ельцина несомненно осуществляет качественные перемены, хотя и не теми методами и не в такой степени, в какой они предполагали их осуществить. Однако в этом они не одиноки среди политиков, осуществляющих смену строя. Мы заинтересованы в соответствующей его значению оценке нового, западнического поворота русской истории уже потому, что он является важным фактором общеевропейской безопасности, а Россия остается вторым крупнейшим деловым партнером Венгрии.

Использованная литература

- БАРТЫШИН, Р. (1993): Предвыборная борьба: Кремль меняет правила каждый день. — *Независимая газета*, 19 окт.
- БЕРГЕР, М. (1993): Временное правительство в условиях временной свободы от парламента. — *Известия*, 9 окт.
- ВОЛЬСКИЙ, А. (1993): Мнение. — *Московские новости*, № 41, с. 5.
- ГАЙДАР, Е. (1993): Россия намерена вернуть свой статус экспортера зерна (интервью О. Лациса). — *Известия*, 23 окт.
- ГЕРАЩЕНКО, В. (1993): У правительства сегодня нет никакой экономической политики (интервью У. Засурского). — *Независимая газета*, 28 окт.
- ГОРСКИЙ, К.—СЛЕПОВ, К. (1993): Свобода торговли: не пробуждай воспоминаний, — *Коммерсант*, № 39.
- ГУРЕВИЧ, В. (1993): Вечером — вексель, утром — деньги. — *Московские новости*, № 44.
- ЕМЕЛЬЯНЕНКО, В. (1993): Наступление провинции на Кремль. — *Московские новости*, № 40.
- ЗАСУРСКИЙ, И. (1993): Россия вряд ли получит кредиты МВФ. — *Независимая газета*, 15 сент.
- ИСМАИЛОВА, Т. (1993): Монетаристы одолевают промышленное лобби. — *Business MN*, № 42.
- КАРЮХИН, С. (1993): Правительство России защищает собственника. — *Известия*, 12 окт.
- КИРИЧЕНКО, Н. (1993): Не приведи господь теперь увидеть российский бюджет — бессмысленный и беспощадный. — *Коммерсант*, № 38.
- ЛАЗОРОВСКИЙ, А. (1993): По проекту Президента земля остается у колхозных феодалов. — *Известия*, 26 окт.
- ПОРТНИКОВ, В. (1993): Что решит Россия? — *Независимая газета*, 20 окт.
- РАЙЗБЕРГ, Б. (1993): Неласкова Россия к иностранцам (интервью О. Куршельницкой). — *Независимая газета*, 26 окт.
- ТРЕТЬЯКОВ, В. (1993): Сегодняшняя альтернатива. — *Независимая газета*, 7 окт.
- ФЕДОРОВ, Б. (1993): Проигравшие в борьбе с инфляцией проигрывают выборы. — *Известия*, 16 окт.
- ФОНД РЕФОРМА (1993): Беспорядок в льготах мешает отношениям Центра и регионов. — *Финансовые известия*, № 48.

- ЯХЛАКОВА, Т. (1993): Рисканный выбор России. — *Московские новости*, № 43.
- BORBÉLY, Sz. (1993): Chile: a demokráciától a diktatúráig — és vissza. — *Társadalmi Szemle*, 49. évf. № 10.
- CSABA, L. (1988): CMEA in the Year 2000. — *The Nordic Journal of Soviet and East European Studies* (Sweden), Vol. 5. No. 1.
- HANKE, S. (1990): *Economic Reform in Yugoslavia*. Centre for Research into Communist Economies, London.
- MALLE, S. (1993): Privatization in Russia: a comparative study in institutional change. In: Csaba L. szerk.: *Privatization, Liberalization and Destruction: Recreating the Market in Central and Eastern Europe*. Dartmouth Publishing Co. Ltd, Aldershot (Anglia) és Brookfield (Vermont, Egyesült Államok), p. 71—101.
- SUTELA, P. (1993): Russian foreign trade between liberalization and state control. In: Csaba L. ed., *Privatization ... etc*, p. 131—150.
- VASILJEV, Sz. (1993): Economic reform in Russia: social, political and institutional aspects. In: Aslund, A. and Layard, R. szerk.: *Changing the Economic System in Russia*. F. Pinter Publishers Ltd, London, p. 72—88.

О ельЦИНИЗМЕ

1. Метаморфозы Ельцина или перемена строя в русском варианте

Рождение новых правящих классов всегда протекает мучительно. Тем более, если при этом пытаются повернуть вспять колесо истории... В России и в других странах-наследницах СССР идет процесс, не имеющий исторического прецедента. На шестой части Земли неделимую бюрократическую государственную собственность и связанную с ней структуру власти переводят или пытаются перевести на фундамент частной собственности. Разрушенная и развалившаяся система государственного социализма накопила за последние десятилетия огромные материальные и духовные ресурсы, которые ныне «перераспределяются», а точнее присваиваются центральными и местными бюрократическими аппаратами, политическими, экономическими, военными и правоохранительно-административными, элитами на республиканском, национально-этническом, региональном и всесоюзном уровнях. И хотя этот процесс, называемый «переменой строя», в определенной степени укладывается в рамки «неолиберальной» перестройки мировой экономики, развернувшейся в 70-е годы и продолжающейся в наши дни, все же именно внутреннее расстройство, «неуправляемость» старого режима, столкновение его легитимации с реально достигнутыми результатами, элиминация имманентных альтернатив составляют в совокупности ту исходную точку, из которой проистекает столь большая роль и значение внешнего влияния.

Перестройка также была продуктом и выражением этого «внутреннего расстройства», и это так или иначе понимали все руководящие деятели этого времени. Уже Андропов в начале 80-х гг. осознал, что в мире произошли столь значительные перемены в экономической, социальной и культурной сферах,

а также в психологии масс, что в СССР дела смогут в основном идти по-старому лишь в том случае, если все изменится. Горбачев шагнул еще дальше: он уже знал, что если все изменится, то вести «дела» по-старому будет невозможно.

По своей первоначальной *легитимационной идеологии* перестройка была таким «реформенным процессом», более того, такой «революцией», конечная цель которой была определена как превращение бюрократического и экономически неэффективного государственно-социалистического способа производства в «демократический и самоуправленческий социализм», путь к которому ведет через многосекторную «социалистическую рыночную смешанную экономику».¹

Основное противоречие исторических результатов Горбачева состояло в том, что, с одной стороны, на первом этапе перестройки в Советском Союзе установилась невиданная прежде политическая свобода (гласность), но с другой стороны, правящая элита не установила никакой аутентичной связи с обществом. В результате этого провозглашенные экономические проекты и планы социальных преобразований либо остались кабинетными «секретами» интеллигенции и мудростями, похороненными в журналах, либо превратились в идеологию самооправдания руководителей и разных групп правящей элиты.

Метаморфозы Ельцина сами по себе показывают как хамелеоновую природу элиты, так и различные этапы советской перемены строя, а также возникавшие в ее ходе альтернативы. В 1988 г. Ельцин, старорежимный провинциальный аппаратчик, выступает в качестве неолевого лениниста, некоммуниста, критикующего перестройку «слева». Весной 1989 г. в роли пропагандиста «ленинского социалистического самоуправления и борьбы с бюрократическими привилегиями» он агитирует за гуманный социализм, означающий ликвидацию всех видов социального неравенства («нельзя оправдать никакое расслоение общества по имущественному признаку») и призывает к «борьбе за социальную и нравственную справедливость».² В следующем году Ельцин становится реформенным коммунистом в амплуа апостола демократии и сторонника рыночной экономики, чтобы позже предстать перед нами законченным буржуазным демократом, который отрекся сначала от государственного социализма, реформировать который оказалось невозможно, а после августовского путча

1991 г. и от социализма вообще. Наконец, в 1993 г. он появляется в образе «диктатора», «Спасителя Отечества», действующего во имя Порядка и Капитализма.

Однако, если рассмотреть все это более конкретно, то выяснится, что на всех этапах своего «развития» Ельцин представлял и определенную преемственность. Мы хорошо помним, как в 1989 году он оправдывал сделанный им поворот неприятием государственно-бюрократической командной системы и концепцией самоуправленческого социализма, создавая тем самым представление о себе как о выходе из народа, который способен во имя народа сыграть роль «Спасителя Отечества» в борьбе с обладателями привилегий. (В создании такого имиджа Ельцину помогло его действительно народное происхождение.) В этом образе нетрудно разглядеть как ленинские и сталинские традиции, так и черты героя русской сказки, «доброего царя», наказывающего бюрократов, притесняющих народ.

В 1989 г. на I Съезде народных депутатов СССР как Горбачев, так и Ельцин выступали за общественную собственность трудовых коллективов, политическая основа которой была выражена в лозунге «Вся власть Советам». Они отвергли все проявления социального неравенства.³

Лишь в январе 1990 г. Ельцин в первый раз публично выразил сомнение относительно «научно-профессиональной основы» самой перестройки, концептуальной продуманности всего перестроечного процесса. Скрывалось ли за этим прозрением⁴ изменение во взглядах советников Ельцина, или сменились сами советники — это уже не слишком важно.

В дальнейшем преображения Ельцина и процесс перемены строя развиваются как бы по венгерскому сценарию. Реформенный коммунизм превращается сначала в реформенный социализм, потом в реформу, позже в «рыночную экономику», а после августовского путча 1991 г. в воинствующий антикоммунизм. В центр этого антикоммунизма Ельцин теперь уже решительно ставит капитализм, прежде всего — частную собственность и осуществление приватизации, которые все отчетливее превращаются в гарантию прав человека и расширения демократии. В процессе разрушения СССР каждая республика определяется как носитель самостоятельной национальной рыночной экономики под знаком святой троицы «нации, рынка и демократии».

Ельцин ясно понимал, что попытка путча в августе 1991 г. состоялась во имя такой архаичной концентрации власти, которая уже не имеет шансов на успех в мире «Ост-модерн». Путчисты 91-го года, с одной стороны, не отделяли (или не хотели отделять) себя от старой советской традиции, а с другой стороны, не пользовались доверием Занада, поскольку не согласовали с ним заранее своих планов... Вся хореография путча производила архаичное впечатление, дрожащие руки Янаева как бы символизировали обреченность старой «гвардии». На нынешнем этапе изучения вряд ли можно точно определить, насколько Ельцин проник в сущность того исторического кризиса, контролировать который он взялся с такой энергией, хитростью и упорством, и который до сих пор не смел его самого. Однако можно с уверенностью утверждать, что аппараты власти, президентскую систему он создал вполне сознательно, используя исторический опыт противостояния центра и регионов, а также сталинские традиции функционирования аппаратов, «оплодотворенные» западной техникой политического менеджмента. В отличие от Горбачева, Ельцин преподносится в занятом им и его командой Центральном телевидении как человек не слов, а дела. Он показывает себя «западником», который в то же время обладает всеми особенностями «исконно» русского человека.

Заимствование новейшей западной терминологии и техники консервации власти, адаптация президентской системы «американского» типа, — все это укрепляло мнение аналитиков и политиков, журналистов и представителей средств массовой информации, что политические и экономические явления, наблюдающиеся в России, могут изучаться по аналогии с западным развитием. Именно поэтому наступила пора разочарований и потери иллюзий. Ведь на территории государств-наследников СССР возникли не «небольшие цветущие рыночные хозяйства» и «демократические парламентарные системы», а бюрократические «национальные диктатуры», хотя обычно с парламентарными украшениями, более того, в нескольких точках имперской периферии вспыхнули межэтнические войны, чтобы имперский центр в итоге смог осуществить своеобразную концентрацию власти.

2. Россия и Европа

Центр мировой системы не только способен управлять экономическими процессами в своих собственных интересах, но и определяет те главные интерпретационные возможности, которые соответствуют системе ценностей, интересам и стилю западной политической элиты, экономических и политических группировок.

В результате этого почти во всем мире сложилось единое поле интерпретаций для оценки событий в России. Стандартные модели анализа, господствующие в средствах массовой информации всего мира, в том числе и в Восточной Европе, обладают двумя главными особенностями. Во-первых, события в России (и в Восточной Европе вообще) исследуются на основе структурных форм развития западного Центра. Второе «наследство», тесно связанное с первым, состоит в том, что развитие описывается лишь с помощью бинарных оппозиций в рамках такого манихейского подхода к истории, при котором Добро и Зло всегда появляются в чистой форме. (Например, противопоставление Доброго Запада и Злого Востока вполне подходит странам Центра, но в то же время оно таит в себе и серьезную опасность поскольку мешает «ясному предвидению» и превращается в бумеранг самообмана).

При анализе такого типа излюбленными являются следующие противопоставления:

1. С одной стороны, существуют «демократы», с другой — «консерваторы» (сторонники «твердой линии», коммунисты и т. д.).
2. С одной стороны, существует «демократия», которую в данном случае представляет Ельцин, с другой — «диктатура», олицетворяемая сторонниками «твердой линии» (но к их числу в зависимости от хода борьбы за власть могут относить и бывших «демократов», например, Хасбулатова или Руцкого).
3. С одной стороны, прогрессивные западники, с другой — ретрограды — славянофилы ...

4. С одной стороны, исполнительная власть, с другой — законодатели, представляющие старый режим (в 1991 г. все было наоборот, тогда всесоюзная исполнительная власть отождествлялась со старым режимом, а парламент — с «новым»).
5. С одной стороны, злая коммунистическая номенклатура, с другой — невинный народ.
6. С одной стороны, добрый предприниматель, частный собственник, с другой — бюрократ, защищающий государственную собственность и т. д.

Конечно, в действительности западные политики, в отличие от пропагандистов, вели более гибкую политику по отношению к России. На конечном этапе перестройки, после путча 1991 г. восторжествовал такой образ мысли, согласно которому в распаде СССР нужно видеть не только освобождение от исторического конкурента, но и нечто иное, скрывающее в себе опасные для Запада процессы. После падения Горбачева на Западе усилилось стремление к поддержке нового «сильного человека», которому, как Горбачеву, можно эффективно помогать финансовыми обещаниями, чтобы он смог осуществить новую концентрацию власти в интересах дальнейшего развития «реформ» и «демократии».

От Сталина до Ельцина не было советского руководителя, которого не боготворил бы Запад. Когда Рейган в рамках своей «неолиберальной революции» заклеил СССР как «империю зла», дряхлеющий Брежнев уже символизировал такую историческую ситуацию, которая была чревата кризисом разложения. Горбачев и перестройка означали поворот в сторону мировой экономики, содержащий в себе возможности нового сотрудничества. С Горбачевым снова имело смысл «считаться».

Осуществление контроля над сырьевыми ресурсами СССР, России, СНГ относится к числу важнейших экономических (и политических) интересов Запада. Оно возможно лишь при «соответствующем» включении бывшего советского региона в систему мировой экономики. Сама по себе организация стабильного контроля над межэтническими конфликтами и

атомным арсеналом требует поддержки со стороны сильного русского руководства, однако по-настоящему грандиозная задача состоит в подключении государств-наследников СССР к мировой системе с учетом требований «нового мирового порядка», формирующегося начиная с 70-х гг.

Устрашающие социальные последствия дезиндустриализации России и ее поворота к мировой экономике также наводят на мысль о «разумности» использования поддержки сильного политического лидера. При современных предпосылках функционирования мировой системы такая осмотрительность вполне оправдана, поскольку приходится рассчитывать на длительный регресс в России и других государствах, возникших на территории СССР. «Иллюзия развития», прекрасно показанная И. Валлерстайном и Джованни Арригги в связи с отношением отдельных социально-экономических регионов к мировой системе в целом, будет быстро осознана в России подобно тому, как в Восточной Европе уже осознана иллюзия «присоединения к Европе». Вот что пишет об этом Арригги: «Богатство государств Центра аналогично хэрродовому олигархическому богатству. Оно не может стать всеобщим, поскольку основано на процессах эксплуатации и вытеснения, которые предполагают воспроизводство бедности среди подавляющего большинства населения мира.

Процессы вытеснения по крайней мере так же важны, как и процессы эксплуатации. Последнее выражение в том смысле, в каком мы его употребляем, означает, что относительная или абсолютная бедность в периферийных и полупериферийных государствах постоянно заставляет правительства этих государств, пусть даже и за грошсвую плату, принимать участие в международном разделении труда, давая тем самым возможность правителям и «управляемым» государств Центра класть в карман прибыль. В свою очередь, процессы вытеснения основаны на том факте, что олигархическое богатство государств Центра дает им возможность исключать правителей и «управляемых» периферийных и полупериферийных стран из круга потребителей ограниченных или иссякающих ресурсов.

Эти два процесса различны, но дополняют друг друга. Процессы эксплуатации дают странам Центра и их агентам средства для поддержания процессов вытеснения. А они, в свою очередь, порождают бедность, необходимую для того, чтобы заставить правителей и «управляемых» периферийных и полупериферийных стран принимать участие в международном разделении труда на условиях, благоприятных для стран Центра (делая возможной эксплуатацию) ...

Успех двойной борьбы содержит в себе и собственные пределы. Дело в том, что успешная борьба против вытеснения ведет к более интенсивной и многообразной эксплуатации полупериферийных стран государствами Центра и тем самым увеличивает возможности Центра в вытеснении этих стран из наиболее выгодно компенсируемых видов деятельности, а также в исключении их из использования небогатых ресурсов. С другой стороны, успешная борьба против эксплуатации ведет к самовытеснению с богатых рынков и самоудалению от источников динамичной инновации».⁵

Полупериферийная Россия будет влиять в сторону снижения стоимости рабочей силы на мировом рынке в результате появления на нем «свободной» русской рабочей силы. Для капитала в этом состоит, быть может, наиболее выгодное следствие распада СССР, которое, однако, может нанести необыкновенный ущерб рабочей силе Центра. Наблюдающаяся ныне в России гиперинфляция (прибл. 30% в месяц), которую можно легко объяснить «глупостью русских дилетантов»,⁶ не только подталкивает процесс обеднения, не только обостряет социальные конфликты, но и, соединившись с приватизацией, ускоряет размывание традиционной промышленной культуры. На мировом рынке русская промышленность, естественно, не может стать конкурентоспособной, поскольку условия конкуренции и структура накопления всегда определялись за пределами России или СССР. Прежняя изоляция России была вызвана не каким-либо добровольным идеологическим решением, как раз наоборот, стремление «опереться на собственные силы», изоляция, «самовытеснение» были идеологическим рефлексом в ответ на сложившуюся историческую ситуацию.

В то время как международные финансовые организации (МВФ, Мировой банк и т. д.), а также лидеры Семерки после 1989 г. регулярно посылали в Россию своих экспертов, чтобы на основании якобы положительного боливийского и польского опыта испробовать свой неолиберальный рецепт, «шоковую терапию», получаемая информация все яснее свидетельствовала о том, что поддерживаемый и отчасти финансируемый (отсрочка долговых платежей, программы помощи и т. д.) Западом экономический эксперимент привел к таким результатам, которые получили со стороны некоторых критиков название политики «*шока без терапии*». Выяснилось, что эта политика не может продолжаться в рамках данной структуры, вот почему жертвы реформ в пропаганде превратились в их «решительных противников», а парламент, который некогда был главной опорой Ельцина, ныне стал учреждением, позорящим «исконные русские достоинства» и опять-таки противником реформ, что уже прокладывает прямую дорогу к 4-му октября, *русской аналогии венгерских событий 1956 г.* »Народный парламентаризм», непосредственное участие народных масс в политике отступило перед политическими и экономическими нуждами снова утверждающейся централизации. Восстание в поддержку парламента было последним, символичным событием перестройки. Гласность мертва. Но почему?

3. Парламент

Поначалу большинство парламентариев тоже думали, что могут описать себя и свои исторические возможности с помощью понятий, взятых из западной истории. Они не поняли, что *президентская система* (в России) является такой системой власти, которая принимает на себя роль прежней партии-государства, поскольку не существует никаких исторических предпосылок буржуазной демократии. Исполнительная власть, ставшая государственной властью, никак не может сосуществовать с парламентаризмом западного типа, ведь на

Западе парламент включает в себя представителей сложившихся партий, обладающих более или менее крепкими социальными корнями. Своеобразный российский парламент был опасен для президентской системы именно тем, что он был свободен от партийного диктата. Местные и личные интересы прямо, практически без всякой фильтрации противостояли президенту, который не мог принять ни одного существенного решения без согласия парламента. Пока парламент был занят уничтожением старого режима, не было заметно признаков его серьезных конфликтов с президентом. Чтобы понять причины падения парламента, имеет смысл рассмотреть его деятельность и достигнутые им результаты.

Еще Съезд народных депутатов СССР в марте 1990 г. одобрил введение президентской системы и аннулировал ту статью Конституции, в которой говорилось о руководящей роли КПСС, а в июне Съезд народных депутатов Российской федерации создал общие правовые рамки многопартийной политической системы. 11 сентября Съезд вотирует закон о переходе к рыночным отношениям и принимает т. н. 500-дневную программу Шаталина, предусматривавшую введение рыночной экономики. 22 мая 1991 г. Съезд народных депутатов России значительным большинством голосов принял закон о статусе президента Российской федерации. По этому закону, за который было подано 615 голосов (при 235 голосах против и 66 воздержавшихся), президент является высшим государственным должностным лицом Российской федерации и одновременно главой исполнительной власти. В его компетенцию входит назначение и снятие министров, в случае необходимости он может управлять посредством указов. Для финансирования предлагаемых президентом программ необходимо согласие Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Депутаты могут изменять любые президентские указы и обладают правом снятия президента, если тот нарушит законы или Конституцию Российской федерации или СССР. Президент, со своей стороны, не может распустить Съезд народных депутатов или Верховный Совет. Для облегчения деятельности президента, выбираемого непосредственно насе-

лением сроком на 5 лет, законом предусмотрена должность вице-президента.⁷

18—21 августа 1991 г., в дни путча российский парламент выпустил воззвание за подписью главы государства, Бориса Ельцина, главы правительства, Степана Силаева, и Руслана Хасбулатова, временного председателя парламента, в котором попытка захвата власти была названа антиконституционным реакционным государственным переворотом, а российскому населению был адресован призыв начать всеобщую политическую забастовку. Ельцин заявил, что берет на себя контроль за положением на территории Российской Федерации. Вместо прежнего флага РСФСР законодатели официально утвердили в качестве национального символа бело-синее красное знамя Российской Республики, возникшей в результате февральской революции 1917 года. 1-го ноября подавляющим большинством голосов (816 «за» и 16 «против») депутаты одобрили программу экономических реформ, представленную Борисом Ельциным. Они согласились с планом перевода российской экономики на рыночную основу с быстротой, напоминающей «большой скачок», с проектом введения свободных цен, ликвидации предоставления предприятиям бюджетных дотаций и разрешения свободной купли-продажи земли. В другом постановлении парламент уполномочил Ельцина назначать членов российского правительства, произвольно изменять состав кабинета, оказывать влияние на назначение руководителей местных исполнительных органов. В то же время, своеобразно противореча самому себе, Съезд народных депутатов России во время дискуссии об изменении конституции 31-го октября 1991 г. не аннулировал ссылки на социализм в тексте российской Конституции. Сохранилось действие 15-й статьи брежневской Конституции, в которой говорится, что в социалистическом обществе основной целью производства является полное удовлетворение материальных и духовных потребностей народа. Не были ликвидированы и те ограничения, которые значительно затрудняли куплю-продажу земли.⁸

Кажется непримиримым противоречием, что парламент, с одной стороны, с помощью множества законов уничтожил

основные структуры государственного социализма и постепенно элиминировал возможности ведения коллективного хозяйствования негосударственного характера, чтобы открыть простор для распространения рыночных капиталистических отношений, а с другой стороны, как мы уже цитировали, не аннулировал ссылки на социализм в тексте Конституции. Этот «грех» парламента проистекал из его социального состава. Наряду с представителями традиционных аппаратов в парламенте присутствовали и представители слоев новых собственников, а также значительных групп интеллигенции, присоединившихся к «реконструкции» капитализма, открывающей перед ними новые перспективы. В то же время здесь в большом количестве были и такие депутаты, интересы и традиционные ценности которых определяли их приязанность к «достижениям советской модернизации»: всеобщей и полной занятости, относительной экзистенциальной безопасности, дешевым предметам широкого потребления и культурным услугам, хотя они надеялись, что все это может быть обеспечено в широких масштабах и на рыночной основе. Такое представление о рынке, конечно, опиралось не на возможности РОССИЙСКОЙ рыночной экономики, а на теоретическую догму, предположение, не имевшее под собой никакой реальной исторической и практической основы.

Социальная поддержка парламента была крайне ограниченной. Уже при Горбачеве столкновения между группами правящей элиты усилили пренебрежительное отношение общества к политике и укрепили его традиционную политическую апатию. Это, в свою очередь, «благоприятствовало» борьбе внутри элиты, поскольку различные политические группировки могли без помех сражаться за расширение политической власти или укрепление экономических позиций. Совершенно ясно, что описание этой сложной борьбы в виде столкновения коммунистических и антикоммунистических сил было бы непростительным упрощением. К тому же нет никаких достоверных исследований относительно того, какие политические, экономические и психологические процессы проходили или проходят в глубинных слоях общества в различных регионах страны.

В ходе этой борьбы парламент поздно заметил, что создав механизм президентской системы, утвердив личную власть Ельцина, он выполнил ту функцию, которая была возложена на него «демократами» и самим Ельциным. Депутаты взбунтовались тогда, когда уже было поздно. Поначалу сторонником Ельцина был и председатель Конституционного суда, Валерий Зорькин. Он прозрел лишь в декабре 1992 — марте 1993 г., когда стало ясно, что Ельцин хочет распустить парламент. Абсолютное большинство, которым располагал Ельцин в парламенте в 1991 г., весной 1993 года настолько растаяло, что он мог рассчитывать лишь на немногим более чем 20% депутатов.⁹ В этих условиях состоялся роспуск парламента, в связи с которым многие вспоминают разгон большевиками «болтающего парламента», Учредительного собрания, 6-го января 1918 г.

Караул устал... Только три четверти века назад большевики могли ссылаться на революционную легитимацию советской власти, не признававшейся Учредительным собранием. А устранение парламента Ельциным может быть скорое расценено как карикатура на 18-е брюмера Луи Бонапарта, переворот, который Маркс назвал фарсом.

Карикатура на фарс!?

4. Coup d'état и противоборствующие стороны

Когда в понедельник вечером 21-го сентября Ельцин объявил о роспуске парламента «в защиту демократии и реформ», было уже ясно, что сделан лишь первый, начальный шаг на пути захвата всей полноты власти. Через один-два дня Ельцин, отключив свет и отопление, пригрозил парламентским депутатам, «защищавшим» Белый дом (Дом Советов), что если они до 4-го октября не покинут здания, то будут разогнаны военной силой. Это было сказано прямо, но лишь немногие приняли сказанное всерьез, ведь происходящее казалось настолько абсурдным. Белый дом был окружен милицией и отрядами ОМОН, а позже его огородили колючей проволо-

кой, при виде которой в одном из заголовков «Правды» от 1-го октября было заявлено: «Капитализм еще не построен, а в центре Москвы уже стоит ГУЛАГ». Стороннему наблюдателю, в том числе автору этих строк, вся волокита вокруг Белого дома казалась отчасти опереттой, отчасти трагикомедией, переходящей в драму абсурда. Как на стороне реальной власти, так и на стороне парламента искусственность, героические позы перемешивались с признаками выдержки и настоящей решимости. Например, в течение нескольких дней за колючей проволокой на ветру, под дождем стояли молодые люди с красными и андреевскими флагами. Пришедшая к ним мать не смогла передать им хлеба, потому что поступил приказ, что защитники Белого дома — «террористы и преступники». Сам Ельцин пользовался этими выражениями, заимствованными как будто из словаря сталинских времен...

Это был необычный путч. В отличие от августовской попытки 1991 года, для которой была характерна обращенность в прошлое, традиционализм, в 1993 г. произошел настоящий информационный путч эпохи постмодерн. Телевизионный путч. Вначале даже не было крови, только представители государственной власти декларировали намерение освободиться от всех ограничивающих ее, «вызывающих неразбериху» политических сил и прежде всего от парламента. Однако это обстоятельство не охладило задора москвичей, склонявшихся к протесту, а, как я видел своими глазами, скорее раскалило страсти, и к защитникам парламента присоединились и те, кто ранее однозначно симпатизировал антикоммунистической группировке Ельцина. Многие лишь тогда поняли, о чем идет речь на самом деле.

После 21 сентября, наряду с различными группами коммунистов, на сторону *парламента* встали такие партии, как Христианско-демократическая партия, Конституционно-демократическая партия, Социал-демократический центр, не говоря уже о тех левых партиях, которые с самого начала выступили против ельцинского прокапиталистического эксперимента, направленного на концентрацию власти, о бузгалинской Трудовой партии, о медведевской Социалистической пар-

тии трудящихся и т. д., которые уже гораздо раньше порвали со старой традицией партии-государства.¹⁰

Уже сам по себе этот факт заставляет считать политическим абсурдом и традиционной манипуляцией основной пропагандистский прием команды Ельцина, согласно которому массы демонстрантов, выступивших на стороне парламента, представляют «союз коммунистов и фашистов». Идеология «красно-коричневого союза» служила цели оправдания поворота, осуществленного самим Ельциным, она должна была доказать, что этот поворот защитит население от «коммунистических и фашистских террористов-преступников», которые, как сказал Гайдар в мелодраматической информационной программе, показанной по телевидению в ночь стрельбы, угрожают населению «новым ГУЛАГ-ом». Однако на самом деле подобная «право-девая» аргументация, следующая сталинской традиции, не имеет под собой никакой серьезной фактической основы.

Теория «коммуно-фашистского заговора», которая была пущена для оправдания ельцинской диктатуры за рубежом, превратилась в карикатуру на саму себя. Например, даже в проельцинской статье, опубликованной в австрийской газете «Профиль», численность фашистского отряда, пришедшего на площадь для защиты Белого дома, оценивалась максимум в 150 чел. Кажется не слишком вероятным, что 150 фашистов в «союзе» с несколькими тысячами коммунистов могли в то памятное кровавое воскресенье решить судьбу Москвы и России. В понедельник ночью бывший премьер-министр Гайдар, замерев в позе героя, произнес по телевидению свою драматическую речь о «коммуно-фашистском заговоре», о котором с тех пор говорят как о факте.¹¹

Бесспорно: даже вопреки позиции значительной части парламентских депутатов решающее большинство собравшихся у Белого дома демонстрантов представляли себе выход из экономического и политического кризиса не в соответствии с логикой и интересами капитала. Требуя немедленного прекращения *приватизации*, они вступили на путь, противоположный направлению перемены строя. С другой стороны, они

выступили с «освеженным» перестройкой старым требованием *«Вся власть Советам!»* Для них это означало повсеместные перевыборы бюрократизировавшихся советов с участием организаций по месту жительства и на производстве. Не вызывает удивления, что фашисты не поддерживали этого требования. Между прочим, у людей, споривших около Белого дома, было необычайно много разных соображений относительно необходимых экономических и политических мер, однако контуров какой-либо единой программы не замечалось. Единодушно требовали собравшиеся *восстановления СССР*. В «официальных» речах необходимость восстановления СССР обосновывалась прежде всего реальностью межэтнических войн: пользуясь реминисценциями лозунгов старого режима, говорили о сознательном разрушении «дружбы и братского союза народов». Следовательно, в то время как сторонники Ельцина кричали о «пакте между сторонниками твердой линии, коммунистами и фашистами», собравшиеся перед зданием парламента произносили речи о «заговоре» ельцинистских «демократов» и Запада, прежде всего Америки. Эти две теории заговора заслонили собой как раз те проблемы, ради которых люди каждый день собирались несмотря на давление и подавление со стороны милиции.

Независимо от функции «красно-коричневой теории» не вызывает сомнений, что именно в связи с требованием восстановления СССР наблюдалось широкое формальное «единство» различных направлений от коммунистов до националистических популистов, от монархистов до фашистов. Однако понятно, что представители «советского патриотизма» и антисемитской, враждебной к иностранцам традиции великорусского шовинизма совершенно по-разному представляли себе этот подлежащий восстановлению Советский Союз. В действительности мысль о восстановлении СССР была не чужда и Ельцину, именно он, хотя и с третьей точки зрения, выступил с инициативой «реставрации». Как раз в дни путча Ельцин вел в рамках СНГ переговоры о восстановлении «единого экономического пространства» (хотя при этом он ясно дал понять, что считает себя образцом руководителя для

стран-членов СНГ). Следовательно, нельзя смешивать различные политические силы под лозунгом «имперской реставрации». Националистические популисты, сгруппировавшиеся вокруг газеты «День», определенно стояли на почве этнической концепции, согласно которой «СССР был разрушен» в результате «подрывной работы» «реформенной мафии», «сионистов» и «евреев». Эта группировка привнесла этнический мотив даже в обоснование неприятия приватизации, что сблизило их с черносотенными и фашистскими элементами, хотя, конечно, отождествлять их было бы ошибкой.

Таким образом, «парламентский лагерь» был крайне неоднородным по составу, что можно описать и с социальной точки зрения. Я видел там безработного рабочего, обнищавшую, лишенную даже веры уборщицу, бывшего преподавателя политэкономии, партийного аппаратчика и генерала на пенсии. Эта толпа состояла из жертв перемены строя. Молодые фашисты появились там скорее для того, чтобы их показали по телевидению. Иногда у меня было чувство, что это какая-то провокация, что хотят скомпрометировать тех, кто вышел к Белому дому на защиту парламента.¹² Руцкой и Хасбулатов, практически независимо от их намерений, стали олицетворением перечисленных выше и крайне неоднородных по составу группировок. Оба они были в значительной степени случайными фигурами в «большой политике», но все же обладали характерными чертами. Руцкой фигурировал в качестве «афганистанского героя», который, подобно Ельцину, отмежевался от старой системы, но, в отличие от него, выдвигал на передний план не реформы, а «нацию». Хасбулатов, демократ чеченской национальности, скоро стал мишенью насмешек со стороны политической прессы. Ни один из них не годился для дела сплочения поддерживавших парламентаризм политических группировок на борьбу с президентской диктатурой. Они не могли, а возможно и не хотели порвать с демагогией и вырваться из тисков «демократических реформ» и националистического популизма. Определяющее значение имел тот факт, что парламент располагал лишь второстепенным влиянием в прессе. В конечном итоге из-за отсутствия организо-

ванной и массовой поддержки Руцкой и Хасбулатов были покинуты различными политическими группировками и даже симпатизировавшими им военными, которые привыкли к тому, что всегда нужно присоединяться к сильнейшему, и придерживались политики выжидания, связанной с минимальным риском.

Другой лагерь, «демократы», в противовес парламенту поддерживали исполнительную власть и Ельцина, но и это собрание было таким же гетерогенным, как и предыдущее. Этот лагерь, который организационно может быть связан с движением Демократическая Россия, был политически менее ясно очерченным и дифференцированным по сравнению с лагерем «консерваторов». Поддерживавшие его массы также были достаточно пестрыми. Они включали в себя многих от старых реформенных коммунистов до антикоммунистических групп, игравших определенную оппозиционную роль при старом режиме. Ныне всех их связывает главная отличительная черта «западничества»: они вместе требуют дальнейшего расширения бесконтрольной приватизации, передачи земли в частную собственность и еще большей открытости российской экономики по отношению к мировому рынку. С другой стороны, все это смешивается с резкой национальной и в то же время либеральной риторикой и антикоммунистическим пафосом. «Демократы» также считают одной из своих главных задач возрождение величия России как мировой державы. Однако больше всего этому мешает их собственная экономическая политика, поскольку распространение частной собственности и экономическая конкурентная борьба с Западом, в которой конкуренты с самого начала имеют неравные шансы, неизбежно укрепят процессы дезинтеграции.

«Реформенная интеллигенция», представляющая «западные ценности» и надеющаяся на их адаптацию в России, беспомощно наблюдала (и наблюдает) за тем, как в ее собственных рядах укрепляется православное «национальное сознание», «сумбурность». Еще не произошло структурного разделения консервативного национализма и либерального космополитизма. Решающей причиной здесь является то, что под воз-

действием известных исторических условий образование партий в России шло совсем не по линии западноевропейского развития. Почти все без исключения партии, как в центре, так и в различных регионах, являются организациями различных группировок правящей элиты (исключением могут считаться самое большее различные коммунистические партии, оставшиеся после КПСС).

Этот лагерь также получает поддержку со стороны старых государственных и партийных аппаратчиков, а также со стороны новых собственников, «выдвинувшихся» из комсомольского аппарата, и мафиозных группировок, находящихся в конфликте с законом. Между ними вряд ли можно провести точную границу, ведь некоторые старые аппаратчики и менеджеры еще во время перестройки использовали государственные фирмы и предприятия для собственного обогащения. Эти слои непосредственно заинтересованы в развитии капитализма, даже если это будет антигуманный капитализм балканского типа. Представители этих слоев редко выступают с публичными декларациями, оставляя это Ельцину и главным идеологам. Хотя новые правящие классы уже обзавелись соответствующими манерами и вещественными символами своего положения, все же их юридический статус, а также реальные экономические перспективы неопределенны, неупорядочены, а их политическое и нравственное сознание еще не сложилось. Даже ельцинская диктатура не смогла укрепить их уверенность в себе, для этого нужен более длительный исторический период...

Часть реформенной интеллигенции уже разочаровалась в этом лагере и как будто пожалела о том, что сражалась в его рядах. Символически это выразилось в том, что после центра Ростраповича на Красной площади она большей частью не присоединилась к проельцинской демонстрации, хотя организаторы явно «подогнали» к концерту демонстрацию в защиту ельцинского *coup d'état*. С социальной точки зрения участники этой демонстрации представляли три крупных слоя. Один из них был составлен из массы людей, униженных и оскорбленных при старом режиме, второй включал

в себя (мелких) дельцов, «торговцев», людей с неопределенным достатком, а третий — «прозревших» карьеристов из аппарата власти.

После роспуска парламента поворотным пунктом стало, по всей вероятности, 29 сентября. Несколько тысяч демонстрантов, собравшихся около станции метро «Баррикадная», без сомнения запомнят этот день как «кровавую среду». Власть русских «демократов» показала, где границы лояльности их «демократии» по отношению к инакомыслящим. В то время как люди с возгласами «фашисты!» «фашисты!» отступали к станции метро, солдаты ОМОН, получавшие добавочную плату 6 долларов в час, несколько раз методично избили их дубинками в стиле расправ в России эпохи рубежа столетий. Между тем часть избитой толпы состояла из возвращавшихся домой или случайных прохожих, не имевших понятия о том, что они угодили в демонстрацию противников ельцинской диктатуры. Как каждый путч, ельцинский переворот также начался с устрашения политически активных слоев, групп населения, а кончился их устранением. Первым ярчайшим проявлением этого были события 29-го сентября. Однако они лишь подлили масла в огонь...¹³

Ельцин сдержал свое обещание и 4-го октября в полном смысле слова «выкурил» парламентариев из Белого дома посредством кровавой военной операции... CNN показало, как разъяренные демонстранты перешли в наступление и во второй половине дня ценой нескольких убитых прорвали кордон, окружавший здание парламента. Поначалу казалось, что победителем станет назначенный парламентом новый президент Руцкой. Однако после «возвращения» Белого дома Руцкой и Хасбулатов призвали собравшихся занять здание телестудии «Останкино», что как с политической, так и с военной точки зрения оказалось полной бессмыслицей. Ельцин получил повод для приказа об осаде Белого дома, которую многие миллионы телезрителей во всем мире могли видеть в прямой телетрансляции.

На апатию и пассивное состояние армии указывало то, что взятие Дома Советов в конце концов состоялось под руковод-

ством бывшего главы политуправления Советской Армии. Старый, проверенный советский генерал, получивший в годы перемены строя известность Волкогонов (написанные им биографии Сталина и Троцкого — «шедевры» исторической науки этого времени) действовал без всякой жалости... Эта кровавая операция в жалкой форме показала политическую культуру и нравственный облик распавшейся правящей элиты. Ставший «либералом» генерал расправился с противниками ельцинского «большого скачка», но при этом вместе с Ельциным, Гайдаром, Поповым и другими выставил себя славным защитником демократии.

Однако «демократическая диктатура» либералов на этом не закончилась. В современном мире развитие не может остановиться на уровне открытой диктатуры, она никому не нужна...

5. Пиночет или/и Бонапарт? Сушность ельцинского режима

К историческим аналогиям нельзя относиться слишком серьезно. Исключением является такой случай, когда аналогией пользуются в структурном смысле для лучшего понимания современного явления, то есть, как раз для выявления в нем нового, оригинального содержания.

Сторонники *пиночетовской аналогии* безусловно правы в том, что окончательная вооруженная ликвидация социалистической (по названию) власти в России напоминает положение, сложившееся в Чили в 1973 году. Трудно отрицать и то, что концентрация власти, осуществленная Ельциным, утверждение его личной власти, президентской диктатуры произошло при непосредственной поддержке Запада, который в значительной степени предоставил и необходимые для этого финансовые средства. Как Пиночет, так и Ельцин прокладывали путь неолиберальной экономической политике. Без такой диктаторской концентрации власти было бы невозможно осуществить неолиберальную «терапию», в ходе которой под

влиянием разрушения традиционных промышленных и сельскохозяйственных структур с помощью приватизации, перераспределения собственности и других «технических» приемов возникает многомиллионная безработица, а экономика предельно приспособляется к влиянию мирового рынка. Без этого иностранный капитал не взял бы на себя даже разработку сырьевых ресурсов. Но такой поворот, как и предсказывали наблюдатели, невозможен без установления авторитарного диктаторского режима (что на правовом уровне блистательно доказывается ельцинским проектом конституции).

В то же время способ «наведения порядка», использованный Ельциным, явно отличается от пиночетовского варианта тем, что, во-первых, они опирались на различную социальную базу, ведь в России позиции отечественного и зарубежного капитала были слабее как в экономическом, так и в культурном и психологическом отношении. Разными были и исторические предпосылки и традиции. Во-вторых, Ельцин опирался в первую очередь не на армию, а на вооруженные отряды милицкого типа и бюрократические ответвления личной власти. В отличие от Пиночета Ельцин выступает защитником «демократии» и «свободы». «Демократы»-ельцинсты с самого начала стремились утаить настоящий характер президентской диктатуры. Пиночет называл вещи своими именами, он был и хотел казаться диктатором (в Чили было убито 40 тыс. человек). Ельцин (на совести которого минимум несколько сот погибших) в роли «отца всея Руси» представлял ту традицию, которая в предыдущие десятилетия сделала из него царька-аппаратчика. Ельцин выступает в образе не кровавого диктатора, а «справедливого владыки», который творит из хаоса долгожданный порядок и в конечном итоге не сделал ничего противозаконного, вот только его чиновники иногда выходят за рамки закона. Они запрещают оппозиционные газеты, они закрывают («по недоразумению») ранее легальные организации, ограничивают права профсоюзов и т. д. Недавно оказалось, что и «Правду» запретил не Ельцин, а один из его незадачливых чиновников.

Ельцин — «настоящий русский человек». Ему очень важно произвести такое впечатление, ведь еще отстранение Горбачева от власти сопровождалось упразднением СССР, а ныне реальной опасностью стал региональный распад России.¹⁴ В этой исторической ситуации нелегко казаться «спасителем нации». Оппозиционные группировки всегда подчеркивали зависимость Ельцина от Америки, которая стала очевидной как раз в период введения диктатуры. Даже репортер CNN во время трансляции событий 4-октября несколько раз повторил, что может возникнуть впечатление, будто события в Москве направляются из Америки.

В связи с этим в номере не правительственной и не оппозиционной «Независимой газеты» от 29 сентября было отмечено, что 28-го числа во второй половине дня в окруженный колючей проволокой и вооруженной до зубов милицией Белый дом, куда не допускались даже врачи скорой помощи, в виде исключения, по ходатайству американского посольства, стали пропускать американских журналистов, что с полной очевидностью ещё раз подтвердило мнение оппозиции, считающей, что этот режим находится на содержании у американской администрации.

Однако Ельцин, как *русский Пиночет*, не сможет укрепить свою власть. Авторитарная система в России за прошедшие десятилетия опиралась на твердые структуры и посредством этих структур на массовую социальную базу. Между царским самодержавием и общиной существовала такая же имманентная связь как между сталинской бюрократической системой во всех ее вариантах и банальностью государственной собственности. В свою очередь режим Ельцина хотел бы опереться на некую будущую, «приснившуюся» частнособственническую экономическую и политическую систему, формирование которой, как мы пытались показать выше, сопряжено с колоссальными трудностями. Сослагательное наклонение выражает нестабильность, «переходный характер» этого режима. Адекватным политическим выражением этого «переходного характера» является президентская концентрация власти, порождающая *аналогию с бонапартизмом*.

Русский бонапартизм имеет определенные исторические традиции. Это состояние появляется во время смены режима, в таких исторических ситуациях, когда старый режим уже, а новый еще не функционирует. Достаточно вспомнить режим Керенского в 1917 г., который уже в то время, после «июльских дней», многие рассматривали как потенциально бонапартистский. В результате экономического и политического кризиса, характеризовавшего перестройку и отчасти стимулированного ею, вместе с СССР распалось все здание государственного социализма. Одним из следствий этого стала цепь межэтнических конфликтов.¹⁵ Реальную социальную базу ельцинского опыта создания интеграции могут составить милиция, особые формирования милиции и органов безопасности, а также высокооплачиваемые армейские подразделения и группы бюрократов, заинтересованные в централизации; с другой стороны, Ельцин может рассчитывать на тонкий слой собственников и отирающихся около власти представителей интеллигенции. В этом смысле ельцинизм проводит эксперимент переиздания *национал-большевизма*, который ныне называется иначе: **РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ**. Этот современный «национал-демократизм» на деле вырос на началах, сформированных основателем национал-большевизма, бывшим колчаковским пропагандистом Николаем Устряловым. Его ключевые понятия: государство, собственность, национализм, то есть класс зажиточных сельских и городских частных собственников, который служит основой для сильной цезаристской власти. Устрялов считал носителем этой идеи Сталина, а сегодняшние устряловы и столпы считают им Ельцина. Сталин основательно «просеял» эту программу, Ельцин принимает ее, но на основании не советской, а думской власти. Между прочим, известный социолог, Питирим Сорокин, уже в 1921 г. почувствовал, что подобная «национальная демократия», основанная на неприятии парламентской демократии, открывает *путь к новому этатизму, ведущему к диктатуре сил «порядка», государственной клиентуры и новых собственнических слоев.*¹⁶

Ныне Ельцин, собственно говоря, действует в духе Устрялова, утверждая свой «термидорианский» режим, который может увенчаться формированием новой цезаристской власти. Утопия «молодцеватого мужика» ныне снова вошла в моду, ведь любой бонапартистский режим мечтает пустить корни в провинции. Факты свидетельствуют о том, что Ельцин ясно понимает заинтересованность армии изголодавшихся по власти молодых бюрократов, потенциальной буржуазии, тысячью нитей связанной с мафией, и определенных групп старой номенклатуры в установлении его личной власти. Именно поэтому представители этих слоев готовы так страстно и непримиримо бороться со всем, что напоминает социализм, отвергая любые коллективные и социальные ценности и с рвением неофитов отрицая их как собственное «проклятое прошлое».

Как мы видели, пример им подает сам Ельцин. Ему особенно важно морально и психологически уничтожить своих коммунистических противников, которые постоянно напоминают ему его собственное прошлое. Релевантным средством бонапартистской власти является целенаправленное наускивание друг на друга различных групп населения.

Хотя здесь не место говорить об альтернативной возможности развития, все же подобает хотя бы указать на то, что каким бы неизбежным и «закономерным» ни казалось возникновение новой авторитарной системы, вовсе не закономерно стремление в такой большой степени исключить из процесса создания этой системы ИСТОРИЮ. Это стремление неразумно, поскольку история постоянно «возвращается», стабильные исторические структуры продолжают жить в миллионах людей. Ельцин в такой степени подавляет свою оппозицию, что сам факт «подавления» придает оппозиционерам героический ореол, дополнительные нравственные и политические силы. Режим Ельцина отказывается даже от таких традиций, которые, собственно говоря, могли бы его укрепить: советники президента как будто забыли о том, что даже авангардизм не смог обойтись без определенных традиций. В то же время русская консервативная националистическая традиция как раз

подрывает «модернизационные» устремления нового режима. Ельцинизм строится на иллюзии, что в России может быть адаптирована, «введена» западная форма капитализма. Достаточно информационного господства государственной власти и «просветительство» обязательно принесет нужные плоды. В этом смысле Ельцин остался русским «народным бюрократом» (популистом) старого типа, которого одели по американской моде.

Ельцинизм порождает новую форму бесконтрольного господства исполнительной власти над обществом. Устранение советов и парламентаризма способствует не самоопределению общества, а укреплению цезаристской системы под предлогом борьбы со старым режимом. Обладая полной властью в области информации, Ельцин сам решает, быть или не быть и когда быть президентским выборам, сам определяет круг достойных поддержки политических объединений и партий, больше того, он сам вместе со своими советниками и членами своего правительства создал важнейшие партии, необходимые для выборов. Так, например, партийным союзом «Выбор России» руководят его ближайшие сподвижники (Гайдар, Шумейко, Полтаранин, филатов и т. д.), а Российской партией единства и согласия, которую называют «партией регионов», непосредственно управляет ее «председатель», Сергей Шахрай. Независимо от Ельцина бонапартистский характер президентской системы выражается в том, что партии создаются сверху, и представители государственной власти сами управляют ими с помощью простого средства: денег, поскольку они распоряжаются денежными ресурсами.

Сущность ельцинизма состоит в одновременном исключении из политики крайне правых рецептов и народной инициативы. Однако устремленный в прошлое, консервативный авторитарный режим с его бонапартистскими тенденциями, пусть даже и опирающийся на гнетущую политическую апатию населения, может служить отечественным и зарубежным капиталистическим объединениям и финансовым органам лишь относительной гарантией того, что они смогут контролировать использование и перераспре-

деление российских сырьевых ресурсов и производственных мощностей.

Таким образом, ельцинизм с его «реформенной идеологией», порожденной чарами свободного рынка, представляет собой средство в процессе, «конечной целью» которого является вовлечение десятков миллионов производителей в новую, обусловленную системой мировой экономики структуру государственного капитализма.

Ельцинизм стал эпилогом старой и прологом новой, еще не устоявшейся системы. Ельцинизм — это переходное состояние, последний этап перемены строя... Бонапартистские режимы чреваты путчами и антипутчами..., реже они ведут к революции.

Примечания

1. Ср.: М. Gorbacsov: *Átalakítás és új gondolkodás*. (Перестройка и новое мышление) Bp. Kossuth, 1987, p. 31—53, 76—81.
2. «Московская правда», 21 марта 1989 г.
3. Ср.: Горбачев—Ельцин: 1500 дней политического противостояния. Терра. М., 1992, с. 125—140.
4. Ср.: Интервью в газете «Советская молодежь» от 3-го января 1990 г. — Там же, с. 160.
5. G. Arrighi: A fejlődés illúziója. A félperiféria koncepciójának megújítása. (иллюзия развития.) In: *Eszmélet*, 1992. április—július. 15—16. sz. p. 152—153.
6. С этой точки зрения «народная приватизация», раздача «ваучеров» по 10 тыс. рублей довела до абсурда дилетантизм в области экономической политики. Жорес Медведев остроумно описал это явление как один из важнейших стимуляторов политического кризиса. Дело в том, что ваучерная приватизация, совпав по времени с либерализацией цен, полностью потеряла свое значение, поскольку не только не привела к возникновению в России «нового среднего класса собственников», но и дискредитировала саму приватизацию, усилив всеобщее недовольство. Не лучше были и основы других форм приватизации. Таким образом, не состоялся переход от примитивного торгово-меркантильного капитализма к «прогрессивно-творческому» производственному капитализму, который только и мог бы улучшить состояние экономики. Мед-

ведов, однако, не показал с необходимой определенностью, что для России этот последний путь существует лишь в учении «утопического капитализма». (Ср.: Жорес Медведев: Экономические причины политического кризиса в России. — «Новое русское слово», 8 окт. 1993 г., с. 10). Между прочим, за 10 тыс. рублей ныне можно купить два кило очень хорошего винограда. Эта сумма составляет четвертую часть хорошей пенсии.

Критический анализ приватизации см.: A. Buzgalin — A. Kolganov: *Totális privatizáció — méreg és orvosság*. In: *A jelceni gazdaságpolitika alternatívái*. Szovjet Füzetek VI. Bp. MRI, 1992.

7. Ср.: *Rendszerváltás a Szovjetunióban*. Szovjet Füzetek IX. Magyar Ruzisztikai Intézet, 1993. (Összeállította Máté I.) p. 70.
 8. Ср.: Там же, p. 80—98. Анализ экономических процессов см.: *A jelceni gazdaságpolitika alternatívái*. Szovjet Füzetek VI. Bp., MRI, 1992.
 9. Ср.: Boris Kagarlickij: *Russia: On the Ruins of the Constitution*. Green Left, 1993. okt. 27. p. 14—15.
 10. Тем не менее прежде всего в первых откликах говорилось о «бунте коммунистов, сторонников твердой линии», в борьбе с которым «демократ Ельцин» защищает западные ценности. В этом смысле толковал происходившее и известный консервативный американский историк Ричард Пайпс (см.: R. Pipes: *The New York Times*, 1993. okt. 5.). Больше того, позже некий Василий Кива, новый придворный политолог Ельцина, в номере газеты «Непсабадатшаг» от 18-го октября прямо оправдывал переворот тем, что коммунисты свили гнездо в структурах власти старого режима, в советах, и удар, нанесенный Ельциным, был всего лишь превентивным актом, и «эти силы отбросили сценарий конституционного поворота, достав сценарий насильственного путча». Отмечу мимоходом, что руководство и большинство Моссовета стояли на антикоммунистических позициях, поддерживали Ельцина и его приватизационную политику. Нельзя назвать намного более тонким и «анализ» либерала Дэвида Ремника: *Yeltsin and the Possessed*. *The New York Times*, 1993. okt. 6.
- Лицемерие западной, прежде всего американской, печати и политиков разоблачил в резкой критической статье европейский корреспондент «Нэйшен» Дэниел Зингер. См.: D. Singer: *Yeltsin in Dubious Battle*. *The Nation*, 1993. okt. 11. p. 381—384. Ещё раньше осознал реальный характер собный R. V. Daniels. *Yeltsin no Jefferson. More like Pinochet*. *New York Times* oct. 2. 95.

11. См., например: Andrej Ivanovszkij: Hitler Gruss am Roten Platz. Profil, 1993. okt. 11. p. 70.
Эта легенда распространилась и в венгерской прессе.
12. Во время вооруженного столкновения сходную функцию выполнял отряд чернорубашечников. Он был призван дискредитировать присутствующих под знаком «коммуно-фашистской теории». Так же интерпретируется это явление в цитированной статье Кагарлицкого. Он был близким свидетелем событий. 3-го октября, как член Моссовета, он был арестован. На следующий день после тяжелых побоев его отпустили на свободу.
13. Обо всем этом Руцкой оповестил 29-го сентября генерального секретаря ООН, письмо было опубликовано и в московской прессе («Правда» от 1-го октября). Мир, конечно, остался равнодушным, хотя, например, американские защитники прав человека протестовали против уничтожения свободы слова и печати, а также против угрожающего указа Ельцина, согласно которому он был готов терпеть присутствие парламентариев в их собственном здании до 4-го октября.
14. См. об этом цитированную статью Д. Зингера в «Нэйшен».
15. Об этом подробнее см.: Krausz Tamás: Van-e alternatívája az orosz konzervatizmusnak? Szovjet Füzetek III. Bp. MRI 1991. p. 7—24.
16. См. подробнее об истории явления национал — большевизма Тамаш Краус: Советский Термидор (в печати.)

ВЫПУЩЕННЫЕ БРОШЮРЫ:

Конец перестройки?

Приватизация в СССР

Конец СССР?

ГУЛАГ: цифры и факты

Геноцид в СССР

**Альтернативы экономической
политики Ельцина**

Украина

1917 — революция в России

Смена строя в СССР

**История межэтнических конфликтов
в закавказских республиках**

**БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ
В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ:**

Краткая история Казахстана

Белоруссия

**Межэтнические конфликты на территории
бывшего СССР**

Вся серия или отдельные брошюры могут быть
заказаны организациями и частными лицами
по адресу:

Magyar Ruszisztikai Intézet
1364 Budapest, Pf. 107

